HC 8354

ИСТОРІЯ

РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ

ВЪ РОССІИ.

Переводъ Веры Засуличъ, Д. Кольцова и др.

Съ воспоминаніями объ А. Тунѣ Л. Дейча, предисловіемъ Г. Плеханова, статьями: "Восьмидесятые годы" Д. Кольцова, "О соціальной демократіи въ Россіи" Г. Плеханова и примѣчаніями П. Лаврова.

Цѣна 4 р. 80 к.

ИЗПАНІЕ

Петроградскаго Совъта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ. 1918. Дом Плеханова" No 1190 А. Тунъ.

ИСТОРІЯ

РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ

ВЪ РОССІИ.

Переводъ Вёры Засуличъ, Д. Кольцова и др.

Съ воспоминаніями объ А. Тунѣ Л. Дейча, предисловіемъ Г. Плеханова, статьями: "Восьмидесятые годы" Д. Кольцова, "О соціальной демократіи въ Россіи" Г. Плеханова и примѣчаніями П. Лаврова.

ИЗДАНІЕ

Петроградскаго Совъта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ. 1918.

1285

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагая читателю русскій переводъ книги покойнаго профессора A. Туна Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland», мы считаемъ себя обязанными прежде всего поставить ему на видъ, что она ссвсьмъ не обладаетъ какими-нибудь первостепенными достоинствами. Въ ней нъть оригинальной мысли, которая могла бы освътить яркимъ свътомъ исторію русскаго революціоннаго движенія. Не отличается она и особенно искусной группировкой фактовъ: съ помощью матеріала, находившагося въ распоряжении Туна, болъе талантливый изслъдователь далъ бы гораздо болье яркую характеристику различныхъ теченій, смънявшихъ одно другое или существовавшихъ одно рядомъ съ другимъ въ нашей исторіи. Наконець, очень ошибся бы тоть, кто вообразиль бы, что Тунъ самъ стоялъ на революціонной точкъ зрънія. На самомъ дъль отношеніе Туна къ русскимъ революціонерамъ напоминало собою отношеніе къ нимъ нашихъ умъренныхъ либераловъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ и образованъ, чтобы не видъть дикой и постыдной нельности нашего нынъшнято политическаго порядка. Какъ человъкъ, привыкшій цънить блага политической свободы, онъ не могь относиться съ одобреніемъ къ тъмъ произвольнымъ и жестокимъ мърамъ, которыя принимало русское правительство въ своей борьбъ съ «крамолой». Въ то же время онъ питаль невольное уважение къ мужеству, самоотверженности, а иногла, можеть быть, и къ конспиративному искусству русскихъ революціонеровъ. Это невольное уважение весьма замътно обнаруживается во многихъ мъстахъ его книги, несмотря на всю ту осторожность, съ которой онъ высказываеть свои собственные взгляды, твердо памятуя, что въ Германіи, гдь онъ собирался жить и дъйствовать, «наука и ея ученія свободны»... лишь въ довольно тесныхъ границахъ *). Но соціалистическіе идеалы

русскихъ революціонеровъ казались ему несбыточными, а ихъ пріемы борьбы онъ нередко находиль преступными въ полномъ смысле этого слова. Въ результатъ мы видимъ двойственность и поперемънное преобладаніе симпатіи и антипатіи въ его историческомъ повъствованіи. Тунъ быль очень далекъ отъ того безусловнаго сочувствія къ русскимъ революціонерамъ, которымъ проникнута знаменитая книга американца Кеннана. Это обстоятельство, разумъется, не осталось безъ вліянія на характеръ его сочиненія: отъ начала до конца этого сочиненія видно, что авторь не сжился съ преиметомъ своего изслъдованія, что его мысль не возбуждалась, а его сердце не терзалось тъми жгучими программными вопросами, надъ разръшеніемъ которыхъ бились русскіе революціонеры. Поэтому его «исторія» и не могла способствовать разръшенію этихъ вопросовь. Изслъдователь, который отнесся бы къ нашему движенію съ болье сильнымъ и болъе цъльнымъ сочувствіемъ, въроятно, лучше поняль бы его «злобы дня» и, навърное, даль бы болъе увлекательный, болъе захватывающій очеркъ его исторіи. Но такого историка до сихъ поръ не появлялось, и нътъ никакой надежды на его скорое появленіе. Поэтому мы ръшились издать книгу Туна, которая при всёхъ своихъ счевидныхъ недостаткахъ имъетъ, по крайней мъръ, одно, не менъе очевидное, достоинство: достоинство добросовъстности. Тунъ прилежно собиралъ матеріалы и безпристрастно пользовался ими, не искажая доступной ему истины ради техъ или другихъ предвзятыхъ вглядовъ. Это достоинство, вообще очень важное въ историческомъ, да и во всякомъ другомъ, --изследованіи, становится особенно важнымъ въ книгъ Туна потому, что литературные источники, которыми онъ пользовался, -- обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, и брошюры, сборники и журналы, газеты и воззванія, — отчасти были ръдки уже и въ это время, а теперь почти цъликомъ стали недоступны для публики. Читатель, желающій ознакомиться съ развитіемъ русской общественной мысли и увидъвшій себя въ досадной невозможности добыть первые источники, искренно поблагодарить автора, который, по крайней мъръ, прилежно и правильно излагалъ находившіеся у него въ распоряженіи историческіе документы.

Но правильно изложить тоть или другой историческій документь вовсе не значить устранить неправильности или недостатки, свойственные его содержанію. Если вь этомь содержаніи есть, напримірь, промиворьній, то авторь, взявшійся за его изложеніе, не иміть никакого права сообщать ему стройный видь. Поступая такь, онь совершить не-

^{*)} И это же уваженіе побудило его оказать одну немаловажную услугу чашему товарищу Дейчу, попавшему въ цёнкія лапы баденской полиціи.

простительный гръхъ противъ исторической истины. Имъя дъло съ противорѣчивыми документами, изслѣдователь, конечно, поступитъ всего лучше, если такъ и скажеть читателю: излагаемые мною источники несогласны между собою. Но если противоръчіе ускользаетъ отъ взора изследователя; если онъ не замечаеть того, что одинъ изъ его источниковъ противорѣчитъ другому, то въ интересахъ точности остается пожелать, чтобы противорьчіе цъликомъ перешло въ его изложеніе: внимательный читатель самъ отмътитъ несообразности и самъ постарается объяснить ихъ происхождение. Правда, онъ рискуетъ при этомъ впасть въ ошибку. Если онъ лишенъ возможности сличить изложение съ источниками, а источники другь съ другомъ, то онъ будетъ склоненъ отнести противоръчіе на счеть самого изслъдователя, котораго онъ заподозрить въ умышленномъ или неумышленномъ искажении истины, что будетъ несправедливо. Но читателю выгоднъе совершить такую несправедливость, оставляющую широкое мъсто для сомнынія, чъмъ довърчиво слъдовать за авторомъ, сознательно или безсознательно поправляющимъ свои источники и вносящимъ послыдовательность туда, гдв она на самомъ двлв отсутствуеть.

Тунъ, это—именно тотъ изслъдователь, который, самъ того не замъчая и не мудрствуя лукаво, переносить въ свое повъствораніе вст противоръчія, встръчающіяся въ его источникахь; объяснить эти противоръчія во всей ихъ совокупности могь бы только тоть, кто написаль бы новую исторію революціонной мысли въ Россіи. Само собою разумъется, что мы не задаемся такою цълью въ нашемъ предисловіи. Но мы находимъ нужнымъ отмътить хоть тъ противоръчія, которыя относятся къ важнъйшимъ эпохамъ нашего движенія.

Начнемъ съ такъ называемыхъ лавристовъ, т. е. съ послѣдователей П. Л. Лаврова. Въ книгъ Туна (см. стр. 51—52) мы узнаемъ о нихъ, между прочимъ, вотъ что: «Лавристы... не видѣли въ крестъянскомъ общинномъ землевладѣніи исходнаго пункта соціальнаго движенія въ Россіи, во-первыхъ, потому, что это учрежденіе падающее, неизбѣжно переходящее въ частное землевладѣніе, какъ показываетъ это западноевропейская исторія; во-вторыхъ, потому, что русская община естъ учрежденіе реакціонное, основы котораго покоятся на привычкахъ и взглядахъ, находящихся въ прямомъ противорѣчіи съ пріобрѣтеніями современной науки. Благодаря своему полному подчиненію въ экономической, политической и правственной области патріархальнымъ обычаямъ,

неразрывно связаннымъ съ общинными порядками, русскій крестьянинъ не въ состояніи усвоить себъ новое соціалистическое міровоззрѣніе, развивнееся на почвѣ капиталистическаго производства. Приходится, поэтому, предоставить крестьянъ естественному ходу исторіи, а революціонную дѣятельность перенести въ среду промышленныхъ работихъ, какъ это дѣлаютъ западно-европейскіе соціалисты. На этой почвѣ дѣйствовали лавристы въ 1875—76 гг., не сдѣлавши, впрочемъ, и здѣсь ничего значительнаго. Ихъ теорія внушала имъ расположеніе ждать, сложа руки, разложенія общины. Даже, когда въ 1878 году среди рабочихъ на петербургскихъ фабрикахъ начались большія стачки, лавристы заявили, что это реакціонное движеніе и совѣтовали отказаться отъ нодачи царю прошенія».

Этой характеристикъ ръзко противоръчитъ изложение программы того самаго журнала «Впередъ!», который издавался Лавровымъ, по словамъ Туна, на деньги кружка лавристовъ. «Въ существенныхъ вопросахъ, говорить Тунь. — «Впередь!» объявиль себя солидарнымъ съ ръшеніями интернаціональных в конгрессовь, а относительно целей и организаціи не дълаетъ существенных т) отступленій отъ бакунинской программы». Но Бакунинъ и его послъдователи смотръли на крестьянскую общину именно какъ на исходный пунктъ соціальнаго движенія въ Россіи. Если программа «Впередъ!» въ самомъ дълъ не расходилась по существу съ программой Бакунина, то ясно, что журналъ Лаврова тоже долженъ былъ придавать общинъ очень большое значеніе. Это соображеніе пріобрътаетъ очень большую убъдительность, когда мы прочитываемъ слъдующія строки: «Соціальная основа, на которой должно строиться будущее русскаго народа, есть общинное землевладъніе; это исконное и пока патріархальное учрежденіе должно развиваться въ соціалистическомъ направленіи и перейти въ общинную обработку земли и равном врное распредвление продуктовъ; въ то же время община должна быть базисомъ политической организаціи». Эти строки уже совсимъ не позволяють сомнъваться на счеть отношенія журнала «Впередь!», - органа лавристовъ, —къ общинному землевладенію; онъ видить въ немь исходную точку развитія Россіи въ направленіи къ соціализму. Что же это значитъ? Неужели взглядъ лавристовъ на общину быль прямо-противоположент тому взгляду, который высказывался их собственным орга-

^{*)} Курсивъ Туна.

номъ? Это совершенно невъроятно, такъ какъ въдь никто же не обязываль ихъ поддерживать изданіе, программа котораго такъ ръзко расходилась со свойственнымъ имъ воззрѣніемъ. Но въ такомъ случать какъ объясняется это очевидное и странное противоръчіе? Не должны ли мы предположить, что въ то время, когда давристы приглашали своего учителя редактировать «Впередъ!», они смотръли на русскую общину такъ же, какъ смотрълъ на нее самъ Лавровъ, а также и Бакунинъ со своими сторонниками, впоследствии же они убедились въ несостоятельности такого взгляда на нее и стали относиться къ ней отрицательно? Это предположение кажется сначала самымъ естественнымъ; въ его защиту можно, кромъ того, сослаться на тоть факть, что въ концъ 1876 г. Лавровъ сложиль съ себя званіе редактора. Не быль ли вызвань этоть шагъ именно его расхожденіемъ съ кружкомъ «давристовъ» во взглядъ на общину? На этотъ вопросъ книга Туна не даетъ прямого отвъта; но косвенно она отвъчаеть на него въ отрицательномъ смыслъ: не забудемъ, что, по словамъ нашего автора, давристы уже въ 1875—76 годахъ сосредоточили свои силы на дъятельности въ средъ промышленныхъ рабочихъ, будучи убъждены въ томъ, что экономическій бытъ нашего крестьянина совершенно не располагаеть его къ усвоенію соціалистическихъ идей. А указанные годы были какъ разъ годами усиленной издательской двятельности Лаврова, который, кром'в неперіодическаго сборника «Впередъ!», редактироваль тогда еще двухнедъльную газету того же названія. Ясно, стало быть, что если мы хотимь вірить Туну, то мы должны допустить, что лавристы оказывали наиболье энергичную поддержку своему учителю именно въ то время, когда они уже перестали раздълять его взглядъ на русскую общину. А это опять приводить насъ къ первой гипотезъ, т. е. къ тому предположению, что лавристы поддерживали и признавали своимъ органъ, кореннымъ образомъ расходившійся съ ними по одному изъ самыхъ важныхъ для Россіи вопросовъ. А такъ какъ это предположение совершенно невъроятно, то намъ не остается ничего другого, какъ обратиться къ критикъ тъхъ двухъ источниковъ, на основании которыхъ возникло противоръчивое сообщение Туна. Первымъ изъ этихъ источниковъ является программа «Впередо!»; вторымъ—свидътельство П. Б. Аксельрода въ цюрихскомъ «Jahrbuch für Socialwissenschaft». Программа «Впередъ!» придаеть русской общинъ огромное значеніе; П. Б. Аксельродъ утверждаетъ, что лавристы

смотрѣли на нее, какъ на устарѣлую форму землевладѣнія, окончательно осужденную исторіей. Тунъ не замѣчаетъ, что его источники противорѣчатъ одинъ другому, и безъ всякихъ оговорокъ воспроизводить ихъ показанія, какъ будто одно изъ нихъ подтверждаетъ другое. Приглядимся же къ этому предмету нѣсколько ближе и книмательнѣе.

Что такое была программа «Впередъ!»? Обладала-ли она котя бы той долей стройности, которую приписываеть ей нашъ авторъ? Насколько твердо и последовательно держался П. Л. Лавровъ того взгляда на русскую общину, который приписывается ему Туномъ на основании его программной статьи? Перечитайте передовыя статьи газеты «Впередо! и вы увидите, что ихъ авторъ противоръчило само себъ, то изображая соціализмъ, какъ «историческій фазись, фатально вырабатывающійся изъ капиталистическаго строя общества», и ссылаясь на Коммунистическій Манифестъ, который говоритъ, что, создавая пролетаріатъ, буржуазія создаетъ своего собственнаго могильщика *), то указывая, —и иногда въ той же самой стать в, —на «традиціонныя народныя группы: сельскія общины и артели», какъ на естественную основу будущаго соціалистическаго общества **). Если бы мы захот'вли подвести итогъ всему тому, что говорилъ на этотъ счетъ П. Л. Лавровъ, то мы, въроятно, имъли бы право сказать приблизительно такъ: Лавровъ надъялся, что соціалистическая революція предупредить развитіе калитализма въ Россіи, и что, вслъдствіе этого, исходными точками соціалистическаго развитія явятся у насъ артель и община; но, не будучи твердо увъренъ въ этомъ, онъ утъщалъ себя и своихъ послъдователей тою мыслью, что «неумълость русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ подготовить и организовать революцію, обрушившись тяжелыми страданіями на русскій народь, всетаки не спасеть хищнической буржуазіи отъ фатальнаго процесса» ***), т. е. отъ соціалистической революціи, которая явится въ этомъ случав неизбъжнымъ результатомъ капиталистического развитія. Если эта формулировка мысли П. Л. Лаврова справедлива, — а она представляется намъ наиболѣе справедливой изо всѣхъ возможныхъ, то мы должны будемъ придти къ тому заключению, что нэображеніе капитализма, какъ «фатальной» предпосылки соціализма,

**) См. передовую статью № 34.

^{*)} См., напримъръ, передовыя статьи №№ 27-го и 34-го.

^{***)} Мы опять цитируемъ передовую статью № 34-го.

имъетъ у него лишь очень условный характерь, и что программа «Впередъ!» несравненно ближе къ бакунизму и народничеству, чъмъ къ марксизму. Мы потому обращаемъ на это вниманіе читателя, что товарищъ Ю. Невзоровъ, въ брошюръ: «Отказываемся ли мы ото наслыдства?», придаль указанному изображенію слишкомь преувеличенное и потому совершенно несоотвътствующее истинъ значеніе, истолковавъ его въ томъ смыслъ, что лавризмъ былъ «первоначальнымъ русскимъ марксизмомъ» (ст. 22). Отличіе русскаго марксизма отъ «русскаго соціализма» всевозможныхъ оттънковъ состоитъ въ томъ убъждении, что Россія не можето перескочить черезъ капитализмъ, который уже сдълался въ ней господствующимъ способомъ производства. Но, именно, этого-то убъжденія и не было у Лаврова до самаго конца его литературной деятельности. А кроме того, товарищь Невзоровъ какъ будто упустиль изъ виду, что по своимъ историческим взглядамъ Лавровъ быль несравненно ближе къ идеалистамъ, чемъ къ матеріалистамъ. между тъмъ какъ марксизмъ необходимо предполагаетъ матеріалистическое объяснение исторіи. Правда, въ сочиненіяхъ Лаврова иногда можно встрътить ръпштельное признаніе исторического матеріализма, но это признаніе находится въ вопіющемъ противорьчіи съ его историческими идеями, и самая возможность его объясняется просто на просто тъмъ. что въ своемъ взглядъ на исторію, какъ и во всъхъ прочихъ своихъ взглядахъ. Лавровъ былъ эклектикомо до конца ногтей. Марксъ и Энгельсъ, хорошо знавшіе по русски и читавшіе «Впередо!», очень удивились бы, если бы имъ пришлось услышать, что программа «Впередъ!» была программой русскаго марксизма. Это имъ никогда и въ голову не приходило *).

Но на какомъ же основаніи П. Б. Аксельродь изображаеть дъйствовавшихъ въ Россіи лавристовъ, какъ людей, связавшихъ всѣ свои соціа-

26

листическія упованія съ развитіемъ русскаго капитализма и препебрегавшихъ старинными «устоями» нашей экономической жизни? Имъемъ ли мы какое-нибудь право заподозрѣть вѣрность или основательность его показанія? Нътъ, на это мы не имъемъ ни мальйшаго права уже по одному тому, что его показание точно соотвътствуетъ истинъ: описанные имъ лавристы действительно существовали. Я самъ хорошо зналъ такихъ лавристовъ и думаю, что Аксельродъ встръчался съ ними въ 1879—80 годахъ, во время своего вторичнаго «нелегальнаго» пребыванія въ Россіи *). Но, во-первыхъ, они были лавристами временъ упадка, и ихъ взгляды вовсе не характерны для лавризма, какимъ онъ былъ въ лучйную пору своего существованія, т. е. между прочимъ и въ 1875—1876 годахъ. А во-вторыхъ, даже и эти лавристы временъ упадка были очень далеки отъ марксизма, и потому первоначальными русскими марксистами считаться никоимъ образомъ не могутъ. Они утверждали, что только капитализмъ создастъ въ Россіи почву для соціализма, но единственный выводь, который они дълали отсюда, быль тоть, что соціалистамь надо до норы до времени совствить сойти съ русской исторической сцены. Это была не программа дъйствія, а самооправданіе людей, рышившихся бездыйствовать и понимавшихъ, что подобное решение не можетъ быть принято революціонной средой какъ нъчто естественное и само собою разум'вющееся. Необыкновенное положение требовало и необыкновенных в доводовъ, и эти необыкновенные доводы взяты были изъ арсенала марксизма. Но эти доводы мирно уживались въ головахъ тогдашнихъ лавристовъ съ ихъ старыми идеалистическими предразсудками, да къ тому же и сами переживали въ этихъ идеалистическихъ головахъ довольно странныя и неожиданныя превращенія. Какъ плохо поняли лавристы временъ упадка

же дурной и настолько же хорошей, какъ и всякая другая. Съ этой точки зрѣнія было бы нелѣно горячиться въ защиту или противъ той или другой изъ нихъ. И съ этой точки зрѣнія вся борьба и всѣ споры революціонеровъ и соціалистовъ между собою должны казаться чистыми пустяками, способными только радовать враговъ». (Volksstaat, 6 октября 1874 года, № 117). Прибавлю отъ себя, что именно такими пустяками, и, именно, по указанной Энгельсомъ причинѣ, и казались П. Л. Лаврову споры между русскими революціонерами различныхъ направленій. Онъ никогда не могъ объяснить себѣ, напримѣръ, зачѣмъ русскіе соціаль-демократы спорили съ народниками и съ народовольцами.

^{*)} Приведу здёсь блестящую характеристику Лаврова, сдёланную Энгельсомъ какъ разъ въ эпоху изданія «Впередь!»: «Другь Петръ, —лично въ высшей степени почтенный русскій ученый, —въ своей философіи является эклектикомъ, который изо всёхъ различныхъ системъ и теорій старается выбрать то, что въ нихъ есть наилучшаго... Онъ знаетъ, что во всемъ есть свои дурная и своя хорошая сторона, и что хорошая сторона должна быть усвоена, а дурная удалена. А такъ какъ каждая вещь, каждая личность, каждая теорія имѣетъ эти двѣ стороны, хорошую и дурную, то каждая вещь, каждая личность, каждая теорія представляется въ этомъ отношеніи приблизительно настолько

^{*)} Не слъдуетъ забывать, что статья Аксельрода написана въ началъ восьмидесятыхъ годовъ.

теоретическое значеніе своей новой аргументаціи, показываеть уже тоть факть, что они считали—или ділали видь, что считали—себя нравственно обязанными не вміниваться въ событія во время той буржуазной революціи, которая предстояла Россіи, по ихъ тогдашнему мніню. Марксь и Энгельсть разсуждали совсімь иначе накануні буржуазной революцію въ Германіи. Но въ томь-то и діло, что на буржуазную революцію наши тогдашніе лавристы продолжали смотріть глазами Бакунина и бакунистовь. Она попрежнему представлялась имъ великимъ общественнымъ зломъ, соціально-политическимъ обманомъ, въ которомъ соціалисты отнюдь не должны участвовать. Товарищъ Невзоровь не откажется признать, что подобный «марксизмъ» очень своеобразенъ, если не вполні сомнителенъ. Если уже на кого-нибудь походили наши лавристы, то разві на тіхъ німецкихъ «истинныхъ» или философскихъ соціалистовъ сороковыхъ годовъ, о которыхъ съ такимъ раздраженіемъ говорить «Манифестъ Коммунистической Партіи».

«Мы считаемъ необходимымъ подчеркнутъ, —говоритъ товарищъ Невзоровъ, —что давриямъ во всякомъ случав популяризовалъ въ средв русскихъ революціонеровъ марксистскіе термины, онъ давалъ имъ форму, двигаясь въ которой, ихъ мышленіе легче подготовлялось къ воспріятію уроковъ жизни, онъ, наконецъ, заставлялъ русскихъ соціалистовъ интересоваться двятельностью нѣмецкой соціалъ-демократіи, отъ которой ихъ рѣшительно отталкивалъ бакунинскій анархизмъ. И въ этомъ смыслѣ лавризмъ, пытавшійся обосновать народничество на ученіи марксовскаго интернаціонала, не остался безъ вліянія на подготовленіе русской соціалъ-демократіи» *).

Что лавристы гораздо болье, чыть бакунисты, содыйствовали ознакомленію русскихы революціонеровы сы дыятельностью нымецкой соціалыдемократіи, это не подлежить ни малыйшему сомнынію и это составляеть ихы заслугу. Но происходило это не потому, что лавристы лучше бакунистовы понимали теоретическую основу соціалы-демократической программы, а потому, что они видыли вы соціалы-демократахы естественныхы своихы союзниковы вы борьбы противы «бунтарской» тактики бакунистовы. Отрицательное отношеніе кы этой тактикы было единственной точкой, вы которой лавризмы безусловно сходился сы соціалы-демократіей. Но, едва сойдясь сы ней вы этой точкы, оны сейчасы же опять далеко расходился съ нею, даже по вопросу объ отношении къ тому же бакунизму. Какъ извъстно, Лавровъ въ своемъ журналъ высказывалъ сожальние о томъ, что марксисты вели ожесточенную борьбу съ бакунистами въ Международномъ Товариществъ Рабочихъ. Это обстоятельство и подало Энгельсу поводъ объявить его эклектикомъ. Кромъ того, надо имъть въ виду, что, -- какъ на это указываетъ и Тунъ, -- несмотря на тактическія разногласія, программа Лаврова была въ сущности очень близка къ программь Бакунина. Что же касается «марксистскихъ терминовъ» и техъ «формъ», которыя лавризмъ, —по словамъ товарища Невзорова, —давалъ русскимъ революціонерамъ, и, которыя будто бы подготовляли «ихъ мышленіе къ воспріятію уроковъ жизни», то, насколько я поняль очень неясно выраженную здёсь мысль этого товарища, она тоже кажется мне ошибочной. Въ теоретическомъ отношении лавризмъ могъ быть для русскихъ революціонеровъ только школой эклектизма на идеалистической подкладкь, а такая школа вообще плохо подготовляеть къ воспріятію уроковъ жизни и ужъ ни въ какомъ случав не можетъ служить подготовкой къ пониманію марксизма. Тѣ изъ нашихъ революціонеровъ, которые основательно прошли эту школу и сроднились съ употреблявшимся въ ней методомъ мышленія, навсегда лишились способности понять ученіе Маркса. Какъ ни ръзко и какъ ни сильно расходился съ авторомъ «Капитала» Бакунинъ, онъ все-таки быль гораздо ближе къ нему, чъмъ авторъ «Историческихъ Писемъ», и потому его вліяніе все-таки болье подготовляло русскихъ революціонеровъ къ пониманію ученія Маркса, чъмъ вліяніе Лаврова. Это можетъ быть принято за парадоксъ, но это неоспоримая истина.

Не говоря уже о томъ, что жизнь давала болѣе «уроковъ» той революціонной партіи, которая, стремясь агитировать на почвѣ непосредственныхъ народныхъ требованій, вынуждена была внимательно относиться ко всѣмъ особенностямъ народнаго быта и народной психологіи, чѣмъ той, которая уповала преимущественно на силу отвлеченной истины, я попрошу товарища Невзорова обратить вниманіе на коренное различіе въ историческихъ взглядахъ Бакунина съ одной стороны и Лаврова съ другой. Всякій, кто знакомъ съ «Историческими Письмами», знаетъ, что въ своемъ объясненіи исторіи Лавровъ былъ идеалистомъ, поскольку этому не мѣшалъ эклектическій характеръ его ума. Историческаго идеализма придерживались и тѣ послѣдователи Лаврова, которые имѣли опредѣленные историческіе взгляды. Товарищъ Невзоровъ говорить: «теорія такъ

^{*)} Тамъ же, стр. 23.

называемаго экономическаго матеріализма (правда, въ своеобразномъ толкованіи) пользовалась большой популярностью среди семидесятниковъ, не только среди давристовъ... но и среди бакунистовъ» *). Но въ дъйствительности бакунисты гораздо болье склонны были признать эту теорію, чьмъ лавристы». Самъ Бакунинъ не разъ печатно объявлялъ себя ръшительнымъ ея сторонникомъ. Товарищъ Невзоровъ цитируетъ то мъсто изъ книги «Госидарственность и анархія», гдѣ Бакунинъ называеть матеріалистическое объясненіе исторіи «одной изъ главныхъ научныхъ заслугъ г. Маркса». Если память не изм'вняетъ мнв, на ту же заслугу Маркса и въ еще болъе сильныхъ выраженіяхъ указываетъ другое русское сочинение знаменитаго анархиста: брошюра «Наука и насущное революціонное двло». Наконецъ, въ томъ же смыслѣ высказывается Бакунинъ и въ своей полемикъ съ Мадзини: «Всъ религіи и всъ системы нравственности, господствующія въ обществі, поворить онъ здісь, представляють собою идеальное выражение его реальнаго, матеріальнаго положенія, т. е. въ особенности его экономической организаціи, но также и его политическаго строя, который, впрочемъ, всегда является не чъмъ инымъ, какъ юридическимъ и насильственнымъ освъщениемъ экономики» **). Правда, Бакунинъ и бакунисты плохо понимали эту теорію, дълая изъ нея тотъ выводъ, что пролетаріату нътъ никакой надобности прибъгать къ «политикъ» въ борьбъ за свое соціальное освобожденіе. Вся теоретическая аргументація Бакунина противъ программы Маркса опиралась на плохо понятыя и потому исковерканныя положенія марксова историческаго матеріализма ***). Но отъ искаженнаго, если хотите даже каррикатурнаго, марксизма Бакунина и его последователей все-таки было ближе до научнаго соціализма, чёмъ отъ эклектическаго идеализма Лаврова и лавристовъ. И мы видимъ на самомъ дълъ, что первыми послъдовательными русскими соціаль-демократами явились люди, прошедшіе черезъ школу бакунизма, а не бывшіе ученики Лаврова.

Когда редакція «Чернаго Передъла» заявляла, что экономическія отношенія признаются ею «основаніемъ всѣхъ остальныхъ, коренною

*) Тамъ же, стр. 57, примъчаніе.

причиною не только всъхъ явленій политической жизни, но и умственнаго и нравственнаго склада его членовъ»; когда она повторяла, что «въ основъ общества лежать главнымъ образомъ отношенія экономическія, которыми по преимуществу и опредъляются остальныя отношенія государственныя, юридическія, нравственныя и пр.» *), то она высказывала лишь тотъ взглядь, который раньше ея выражаль, вслидъ за Марксомъ, — Бакунинъ. Но она принимала этотъ взглядъ въ томъ же искаженномъ его видъ, который придаль ему авторъ «Государственности и анархии». Она строила на немъ чисто анархическое отрицаніе «государственности». Поэтому, товарищъ Невзоровъ ошибается, говоря, что чернопередъльцы «опредъленно стояли на марксистской точкъ зрънія» **). Ихъ марксистская точка эрънія на самомъ дель была не болье, какъ точкой эркнія Бакунина ***). Я потому считаю нужнымь указать на это, что товарищъ Невзоровъ, преувеличивая значеніе нашего тогдашнято «марксизма», тѣмъ самымъ выставляетъ въ неправильномъ освъщении то теоретическое «наслыдство», которое было получено нами, русскими соціальдемократами, отъ революціонеровъ семидесятыхъ годовъ. Это наслъдство было очень важно, — и даже совершенно незамънимо, — въ смыслъ практического опыта, частью пріобрътеннаго нами самими во время нашей народнической дъятельности, частью завъщаннаго намъ соціалистами первой половины того десятильтія. Этоть опыть легь вь основу всей нашей критики старыхъ русскихъ программъ и теорій, и вотъ почему безусловно нелѣпъ тотъ, такъ часто выдвигаемый противъ насъ доводъ нашихъ противниковъ, который сводится къ ехидному напоминанію о томъ. что первая программа русскихъ соціалъ-демократовъ была выработана заграницей. Заграницей только были подведены итоги тому, что было сдълано и узнано нами въ Россіи. И во всемъ нашемъ проектъ программы русскихъ соціалъ-демократовъ, написанномъ въ 1884 и напечатанномъ въ 1885 году, нътъ ни одной строчки, которая не имъла бы въ виду того или другого «проклятаго вопроса» нашей революціонной практики и ко-

**) Тамъ же, стр. 63.

^{**)} La Théologie politique de Madzzini et l'Internationale, 1871 r., p. 69 O Marke's em. ctp. 78.

^{***)} Подробнъе эта мысль развита мною въ брошюръ «Anarchismus und Socialismus», Berlin, 1894.

^{*)} Эти ел заявленія цитируетъ тов. Невзоровъ на 57 стр. своей брошюры.

^{***)} Я имъю право съ полною увъренностью говорить о тогдашних взглядахъ редакціи «Чернаго Передъла», такъ какъ самъ принадлежалъ къ ней, и такъ какъ статьи, цитируемыя товарищемъ Невзоровымъ, были написаны мною.

торая не опиралась бы прежде всего на указанія этой практики *). Но въ теоретическом отношеніи семидесятые годы давали намъ чрезвычайно мало, такъ какъ «наслѣдство», завѣщанное намъ ими, оставляло совершенно незаполненной ту пропасть, которая отдѣляла «русскій соціализма» бакунинскаго или лавровскаго оттѣнка отъ научнаго соціализма западной Европы, и которую, однако, необходимо было заполнить для того, чтобы вывести нашу революціонную мысль изъ тупого переулка. Объ этомъ полезно напомнить теперь, когда дѣлаются попытки реставрировать программы семидесятыхъ годовъ.

Но вернемся въ Туну. Длинное отступленіе, сдѣланное мною по поводу лавризма, показываетъ, какіе важные вопросы нашей революціонной исторіи скрываются за недомолвками и противорѣчіями, встрѣчающимися въ книгѣ нашего автора. А неправильное представленіе товарища Невзорова о значеніи лавризма и объ отношеніи историческихъ взглядовъ редакціи «Чернаго Передвла» къ историческому матеріализму Маркса лишній разъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ трудно современному русскому революціонеру составить себѣ вѣрное представленіе о тѣхъ періодахъ нашего движенія, которые незнакомы ему по личному опыту. Винить въ этомъ, разумѣется, надо только недостатокъ надежныхъ источниковъ.

Сдъланная Туномъ характеристика народническаго періода не заключаєть въ себъ важныхъ промаховъ. Болъе того: перечитавъ теперь эту характеристику, мы съ удивленіемъ видимъ, что нъмецкій профессоръ личне понялъ отличительныя черты и результаты этого періода, чъмъ, напримъръ, Е. А. Серебряковъ, написавшій цълую брошюру о самой крупной и вліятельной организаціи того времени,—о тайномъ обществъ «Земля и Воля».

На первой страницѣ своей брошюры Е. А. Серебряковь говоритъ: «Массовое движеніе русской соціалистической молодежи въ народъ съ цѣлью пропаганды окончилось весною 1874 года страшнымъ погромомъ. Около тысячи человѣкъ было арестовано; а немногіе уцѣлѣвшіе пропагандисты должны были спасаться въ города, ибо и прежде трудное пребываніе въ деревнѣ сдѣлалось совершенно невозможнымъ въ эту минуту». Эти слова могутъ быть поняты только въ томъ смыслѣ, что «погромъ имѣлъ мѣсто главнымъ образомъ «65 деревнь», которая и стала вслѣд-

ствіе этого недоступной для соціалистовъ, увидъвшихъ себя вынужденными искать спасенія «въ городах». Но это совсемь неверно. На самомь дълъ огромнъйшее большинство арестовъ того времени произошло именно ез городах и вызвано было полнъйшимъ отсутствіемъ всякой конспиративной сноровки у тогдашнихъ революціонеровъ и совершенной неорганизованностью ихъ силъ. Строгости полицейскаго надзора въ деревиъ, тогда очень слабаго, туть совсемь непричемь. Если многимь соціалистамъ и приходилось бъжать изъ деревни въ городъ, то происходило это опять таки вследствіе безпрерывныхъ проваловъ въ городь, обнаруживавшихъ передъ жандармеріей всё планы и всё действія даже техъ революціонеровъ, которые шли въ деревни. И это хорошо понимали тогдашніе дъятели. Я хорошо помню, какъ на революціонныхъ сходкахъ, происходившихъ въ Петербургъ лътомъ 1876 года, многіе ораторы, —въ томъ числъ покойный И. О. Оесенко, доказывали намъ, студенческой молодежи того времени, что въ полицейскомъ отношении серьезная революціонная работа въ деревнъ гораздо безопаснъе, чъмъ шумная, но мало производительная жизнь въ средъ революціонной интеллигенціи городовъ. Эти соображенія приводились, какъ одинъ изъ доводовъ въ пользу «хожденія въ народъ». Такимъ образомъ, «спасать» революціонеровъ должны были не города, а именно деревни. Это необходимо помнить всёмъ тёмъ, которые хотять правильно судить объ исторіи нашего движенія.

Такъ же невърно описываетъ Е. А. Серебряковъ и положеніе дълъ въ 1878—1879 гг., т. е. ез конць того періода, начало котораго было подготовлено погромомъ 1874 года, и въ теченіе котораго революціонеры старались заводить поселенія ез народь. «Устройство поселеній,—говорить онь,—съ первыхъ же шаговъ встрътило массу препятствій. Начальство было насторожъ, и поселенцамъ приходилось часто бросать устроенныя мастерскія и оставлять занятыя должности, переъзжать въ новыя мъстности, подъ новыми фамиліями» *). Все это, дъйствительно, случалось неръдко, но препятствія, на которыя наталкивались селившіеся въ деревнъ революціонеры, были далеко не такъ велики, какъ это думаетъ Е. А. Серебряковъ. У него выходитъ, что эти революціонеры нигдъ не могли осъсть сколько-нибудь прочно. Онъ такъ и говоритъ: «Преслъдуемые революціонеры вынуждены постоянно переъзжать съ мъста на мъсто, теряя при этомъ каждый разъ многихъ товарищей, которыхъ захваты-

868, -3

^{*)} Нѣкоторые нѣмецкіе радикалы сороковыхъ годовъ самого Маркса упрекали въ томъ, что онъ придумалъ свою программу за предѣлами германскаго фатерланда. Такимъ образомъ, мы оказываемся въ очень хорошей компаніи.

^{*)} Общество «Земля и Воля», стр. 17—18.

вало правительство» *). А въ доказательство онъ ссылается на неизданныя воспоминанія одного землевольца, который приводить прим'тры, повидимому, подтверждающіе слова Е. А. Серебрякова. «Такъ,—пишетъ землеволецъ, —къ концу 1877 года не осталось почти ни одного крупнаго поселенія: они всѣ рухнули, не просуществовавъ и одного года. Многіе члены этихъ поселеній были арестованы, а тъ, которые уцъльли. разбъжались во всё стороны. Пропаль годь усиленныхъ трудовъ, порваны связи» **). Здёсь память измёнила землевольцу. Въ концё 1877 г. произошелъ провалъ на Камышинской улицъ въ Саратовъ, заставившій бѣжать нѣкоторыхъ изъ землевольцевъ, жившихъ въ этомъ городю и занимавшихся тамъ пропагандой частью въ средъ мъстныхъ рабочихъ, а частью между семинаристами и гимназистами. Этоть, совершившійся 65 городь, проваль неблагопріятно отразился и на нікоторыхь землевольскихъ поселеніяхъ въ крестьянствъ, вслъдствіе уже знакомаго намъ смертнаго гръха нашихъ революціонеровъ: неосторожности. Но эти поселенія рухнули далеко не всть, и потому землеволецъ не правъ, говоря, что цълый годъ усиленныхъ трудовъ пропаль безъ пользы для дъла.—«Но въра еще кръпка, силы не надорваны, - продолжаетъ онъ. И вотъ, весною 1878 года образовалось въ Саратовской же губерніи новое поселеніе ***). Весною 1878 года саратовская колонія землевольцевь дійствительно пополнилась новыми силами, которыя замінили товарищей, выбывшихъ изъ строя, благодаря осеннему провалу предыдущаго года. Но такъ какъ старое саратовское поселеніе было очень далеко отъ полной гибели. то заводить новое не было надобности. «Одновременно почти съ этимъ, землевольцы основали въ Воронежской губ. другое поселеніе.—пишетъ дальше товарищъ, цитируемый Е. А. Серебряковымъ. Оба эти поселенія по составу лицъ и организаціи не оставляли желать ничего лучшаго. Многіе члены этихъ поселеній впоследствіи показали свою способность, энергію и дъятельность на террористическомъ пути. Но здъсь, на почвъ народа, злой рокъ по прежнему преслъдовалъ ихъ. Эти новыя поселенія вскоръ распались. Воронежское не просуществовало и полгода, а новосаратовское погибло вскоръ послъ 2-го апръля 1879 года» ****).—Здъсь я замъчу, что

«распалось» не значить—провалилось. Воронежское поселение землевольцевъ, дъйствительно, просуществовало очень недолго, но и въ этомъ виноваты были не полицейскія условія, что доказывается, между прочимъ, тъмъ, что ни одинъ изъ его участниковъ не быль арестованъ. Я не могу припомнить теперь, по какой именно причинъ они такъ скоро покинули облюбованное ими мъсто; но думаю, что причина эта была въ значительной степени субъективного свойства: въ числъ основателей воронежскаго поселенія находилось нъсколько членовъ бывшаго кружка такъ называемыхъ централистовъ, т. е. посльдователей П. Н. Ткачева. Люди этого направленія могли быть очень способными, энергичными и д'вятельными на поприщъ террора, — и такими въ самомъ дълъ оказались нъкоторые члены воронежскаго поселенія, напримірь, покойная М. П. Полонская, — но для работы въ крестьянской средв они годились очень мало уже по одному тому, что она плохо вязалась съ ихъ образомъ мыслей. Они примкнули къ воронежскому поселенію за неимѣніемъ болѣе подходящей для нихъ дъятельности; а когда такая дъятельность явилась вмъстъ съ началомъ террористической борьбы, тогда они уже не могли усидъть въ деревнъ и покинули ее при первомъ удобномъ случаъ. О «новосаратовскомъ» поселеніи самъ землеволецъ, цитируемый Е. А. Серебряковымъ, говорить, что оно «погибло» посль 2-го апрыля, т. е. посль покушенія А. Соловьева на жизнь Александра II. Ясно, что если бы оно и въ самомъ дълъ погибло, то и тогда причину его гибели надо было искать не въ строгостяхъ деревенскаго полицейскаго надзора, а въ тъхъ затрудненіяхъ, которыя создавались для дъятельности революціонеровъ новыми пріемами борьбы, которые стали практиковать во городахо. Но на самоть дель. «новосаратовское» поселеніе только отчасти пострадало отъ выстрѣла А. Соловьева, а въ общемъ продолжало довольно благополучно существовать вплоть до воронежского събзда. на которомъ было довольно много его представителей. И вотъ почему Е. А. Серебряковъ очень ошибается. когда говорить, изображая положение дъль въ промежуткъ времени между выстрёломъ 2-го апрёля и воронежскимъ съёздомъ: «последніе остатки деревенщиковъ бъгутъ въ города» *). Это неправда. И я удивляюсь. какимъ образомъ самъ Е. А. Серебряковъ не усомнился въ правильности своего изложенія. Мев странно, какъ ему не пришло въ голову слъдующее простое соображение: если дъятельность въ деревиъ

^{*)} Тамъ же, стр. 21.

^{**)} Тамъ же, та же страница.

^{***)} Тамъ же, та же страница.

^{****)} Тамъ же, та же страница.

^{*)} Тамъ же, стр. 52—53.

встръчала такія непреодолимыя трудности, то ко времени воронежскаго събзда тамъ не осталось бы никого изъ землевольцевъ; а между тъмъ мы видимъ, что на этомъ съйзді было много «деревенщиковъ», и притомъ не такихъ деревенщиковъ, которые только собирались бы «идти въ народъ», а такихъ, которые жили и дийствовайи тамъ именно въ эпоху сързда. Или Е. А. Серебряковъ не зналъ этого обстоятельства? Пожалуй, что и не зналъ. Описывая событія, последовавшія за воронежскимъ съёздомъ, онъ спрашиваетъ: «а что же дълали деревенщики?» На этотъ вопросъ онъ категорически отвъчаетъ такъ: «въ деревню идти они не могли... И пришлось имъ остаться въ городахъ и здѣсь заниматься, подобно членамъ новой фракціи, пропов'ядью и вербовкой посл'ядователей... неизвъстно, для чего» *). Эти слова даютъ поводъ думать, что и до съъзда большинство «деревенщиковь» оставалось во городахо. Но если Е. А. Серебряковъ думаетъ такъ, то ему полезно будетъ перечитатъ книгу нъмца Туна, никогда не принимавшаго участія въ нашемъ движеніи, но всетаки лучше осведомленнаго на его счеть. Тунъ говорить: «такъ какъ засъдавшіе въ Липецкъ террористы заставили прождать себя цълыхъ четыре дня, то многіе деревенщики разъвхались изъ Воронежа, боясь потерять занятыя въ деревняхъ мъста». Такъ оно и было на самомъ дълъ. Но Е. А. Серебряковъ согласится, что если бы «деревенщики» оставались во породахо, то указанное Туномъ опасеніе не имъло бы ни мальйшаго смысла и, конечно, не возникло бы ни у кого изъ нихъ.

На эту оппибку Е. А. Серебрякова стоило обратить вниманіе читателя. У насъ многіе думають теперь, что «хожденіе въ народь» прекратилось главнымь образомь вслідствіе полицейскихъ строгостей. Распространенію такого взгляда очень способствовала устная и печатная пронаганда «народовольцевь», органь которыхъ «Народная Воля» уже осенью 1879 г. во всеуслышаніе объявить, что при нынішнихъ полицейскихъ условіяхъ рабомать въ народь значить биться, какъ рыба объ ледъ. Въ своей брошюрів Е. А. Серебряковъ повторяєть это мнітіе, совершенно не считая нужнымъ провірить его основательность. И это очень жаль, потому что его брошюра, благодаря его неумітню критически отнестись къ своимъ источникамъ, вводить читателей въ глубокое заблужденіе. Если бы тогдашняя деревня была недоступна для революціонеровъ по полицейскимъ причинамъ, то въ этомъ прежде всіхъ другихъ должны

были бы убѣдиться именно «деревенщики», послъдніе остатки которыхъ уже въ серединъ 1879 г. бѣжали,—по словамъ Е. А. Серебрякова,—изъ деревень въ города. Но деревенщики не только не убѣждены въ этомъ и не только не бѣжали въ города, а напротивъ съ величайшею горячностью доказываютъ необходимость оставаться въ народѣ и оспариваютъ своихъ городскихъ товарищей, всѣми силами старающихся увѣрить ихъ, что въ народѣ дѣйствовать невозможно. Удивительно, какимъ образомъ Е. А. Серебряковъ не остановился передъ этимъ безспорнымъ и всѣмъ извѣстнымъ фактомъ, ясно показывающимъ, какъ произвольно и односторонне ходячее у насъ представленіе о причинахъ, заставившихъ большинство нашихъ революціонеровъ конца 70-хъ годовъ покинуть мысль о дѣятельности въ крестьянствъ, которую не далѣе, какъ за нѣсколько лѣтъ до того, они же считали безусловно необходимой и единственно цѣлесообразной.

Въ дъйствительности дъло было гораздо сложнъе, чъмъ это кажется Е. А. Серебрякову. Д'вятельность въ крестьянств в отнюдь не была невозможной; революціонеры справились бы съ полицейскими препятствіями, если бы ихъ настроение продолжало толкать ихъ въ деревню. Но въ томъто и дъло, что во второй половинъ семидесятыхъ годовъ ихъ настроеніе очень измѣнилось, и «хожденіе въ народъ» потеряло въ ихъ глазахъ ночти всю свою привлекательность. Произошло это потому, что дѣятельность въ народъ не оправдала тъхъ радужныхъ, можно сказать, почти ребяческих внадеждь, какія возлагались на нее революціонерами. Отправляясь въ народъ, революціонеры воображали, что «соціальную революиію» сділать очень легко, и что она очень скоро совершится: иные надівялись, что года черезъ два-три. Но извъстно, что подобная легкомысленная «вира» представляеть собою начто до крайности хрупкое и разбивается при первомъ столкновеніи съ жизнью. Разбилась она и у нашихъ тогдашнихъ революціонеровъ. «Народъ» пересталъ привлекать ихъ къ себъ, потому что «хожденіе въ народъ» перестало казаться имъ върнъйшимъ и скоръйшимъ средствомъ повалить существующій порядокъ. По какой степени это върно, покажеть слъдующій примърь. Льтомь 1878 г. волновались донскіе казаки по случаю введенія у нихъ земства, которое было огромнымъ шагомъ назадъ сравнительно съ ихъ почти первобытнымъ самоуправленіемъ. В'врные своей «бунтарской» программ'в, землевольцы посившили отправиться на Донъ и завязать сношенія сь недовольными. Я быль однимъ изъ первыхъ, попавнихъ туда членовъ

^{*)} Тамъ же, стр. 63.

«Земли и Воли». Ознакомившись съ положеніемъ дълъ и уб'єдившись, что оно благопріятно для агитаціи, я написаль объ этомъ въ Петербургь, откуда немедленно двинулся ко мев на помощь Алексаниръ Михайловъ. Но такъ накъ я спъшиль отпечатать «Воззвание къ славному войску донскому», составленное нами, «интеллигентами», при участіи «спропагандированныхъ» нами казаковъ, то я вывхалъ въ Петербургъ, -- гдв у насъ была тогда тайная типографія — не дождавшись прівзда Михайлова въ Ростовъ-на-Дону. Это было за осенью и всего насколько дней спустя нослъ большого «провала», погумещаго Ольгу Натансонъ, Адріана Михайлова и многихъ другихъ нашихъ надежныхъ и опытныхъ товарищей. Я ничего не зналъ объ этомъ несчасти и самъ избъжаль ареста лишь благодаря простой случайности, помъщавшей мнъ пойти тотчась по прівздь въ Петербургь на нашу бывшую «конспиративную» квартиру, гдъ расположилась полицейская засада, Послъдствія «провала» были такъ тяжелы для нашей организаціи, что приходилось на время отказаться отъ всякой мысли объ участіи ея членовъ въ агитаціи между казаками: нало было прежде всего возстановить «центръ», разрушенный спустошительнымъ полицейскимъ набъгомъ. Я немедленно вызвалъ телеграммой Ал. Михайлова изъ Ростова, и когда онъ, нъсколько дней спустя, вернулся въ Петербургъ, я въ первый разъ услыхалъ отъ него то мнъніе, что намъ нельзя ставить себъ задачу широкой агитаціи въ -народъ, такъ какъ наши силы для этого слишкомъ малы, а надо просто «наказывать» правительство за его свиръпыя преслъдованія: прежде онь быль самымъ убъжденнымъ сторонникомъ «агитаціи на почвъ непосредственныхъ народныхъ требованій» и самымъ ръшительнымъ противникомъ «террора», который назывался у насъ тогда дезорганизаціей правительства, и о которомъ начали поговаривать уже лътомъ 1877 года. Я не согласился съ Ал. Михайловымъ, но такъ какъ о побъдкъ на Донъ членовъ нашей организаціи тогда, дъйствительно, нельзя было и думать, то я сталь искать ехотниковъ въ средъ «интеллигентной» революціонной молодежи, не принадлежавшей къ нашему обществу, но сочувствовавшей нашему направленію. Эта молодежь, насквозь пропитанная народничествомъ, съ пріятнымъ удивленіемъ слушала мои разсказы о казацкихъ волненіяхъ и вполнѣ соглашалась съ тѣмъ, что революціонеры непремѣнно должны воспользоваться этими волненіями. Но, несмотря на это, на Донъ все-таки никто изъ Петербургскихъ революціонеровъ не повхалъ. Такъ и пришлось махнуть рукою на казаковъ. Правда, къ никъ

отправилось нъсколько молодыхъ товарищей изъ Харькова; но и эти товарищи скоро убъдились въ томъ, что ни на какую поддержку со стороны революціонной интелигенціи имъ разсчитывать невозможно, и, обезкураженные этимъ, сами вернулись въ городъ, хотя революціонеры-казаки,--которыхъ насчитывалось тогда уже человъкъ до пятидесяти, —настойчиво уговаривали ихъ оставаться. Попытка агитаціи на Дону — чрезвычайно важная съ точки эрвнія нашей тогдашней программы-окончилась ничъмъ, и не потому, чтобы казацкая полиція помъщала намъ связать прочныя связи въ казацкихъ станицахъ и хуторахъ, — эта полиція по своей неопытности въ такихъ дълахъ ничему помъщать не могла, и связи уже начали завязываться, — а просто потому, что мысль объ агитадіи въ массахъ совсьмъ перестала тогда увлекать нашу революціонную интеллигенцію. И это чувствовали наши «деревенщики», которые видели, что число лицъ, желающихъ идти «въ народъ», постоянно уменьшается, и что ихъ «поселенія» перестають быть привлекательными для революціонной молодежи. А такъ какъ необходимымъ условіемъ широкаго народнаго возстанія была, вь глазахь бунтаря, организація народныхъ силъ, а эта организація, въ свою очередь, предполагала безпрерывный и широкій притокъ въ народную среду революціонной интеллигенціи, то существовавшія тогда «поселенія» имѣли для «деревенщиковъ» цѣну только въ той мъръ, въ какой можно было надъяться, что въ недалекомъ будущемъ такихъ поселеній явится не два-три десятка, а очень много: два-три десятка лицъ, уже поселившихся и дъйствовавшихъ въ поволожье, могли иметь значение только какъ авангаров, возвещавшій о приближеніи большой арміи; сами же по себ'є они были такъ слабы, что самый горячій сторонникъ агитаціи въ народъ переставаль дорожить ими, какъ только убъждался, что на новый и гораздо болъе значительный притокъ въ народъ силъ «интеллигентовъ» разсчитывать уже невозможно. Воть почему «деревенщики» такъ горячо возстали противъ террора, которому сначала многіе изъ нихъ горячо сочувствовали, -- когда убъдплись, что онъ отвлекаетъ симпатіи молодежи оть агитаціи въ народъ и направляеть ихъ въ другую сторону. И воть почему послъ воронежскаго съвзда многіе «деревенщики», до того времени благополучно жившіе и болъе или менъе удачно дъйствовавшіе въ крестьянствъ, перевхали въ города, чтобы звать оттуда молодежь на дъятельность въ крестьянствъ и бороться тамъ съ возрастающимъ вліяніемъ террористовъ. Е. А. Серебряковъ обнаруживаетъ полное непонимание дъла, когда пускается въ пронію, замічая что этм, перейхавшіе въ города, деревенщики вербовали послідователей «неизвістно для чего»; ніть, послідователи вербовались для ціли, очень хорошо извістной, но неизлічимая слабость «бунтарей», оставшихся візрными старой программів, заключалась въ томъ, что даже ихъ молодые послідователи, вполнів признававшіе необходимость новаго похода «въ народь» революціонной интеллигенціи, ни въ какой походь отнюдь ве собирались, а продолжали жить да поживать въ городахъ, т. е. тамъ, гдів имъ, по прямому смыслу ихъ программы, полагалось жить только въ видів исключенія *). Революціонное народничество погибало, но погибало не подъ ударами полиціи, будто бы загородившей революціонной интеллигенціи всів пути къ народу, а въ силу неблагопріятнаго для него настроенія тогдашнихъ революціонеровъ, которымь во что бы то ни стало хотівлось «отомстить» правительству за его преслідованія и вообще вступить съ нимъ въ «непосредственную борьбу» т. е., собственно говоря, какъ можно скоріве добиться конституціи.

Прочитавъ брошюру Е. А. Серебрякова, можно подумать, что отправлявшіеся въ народъ пропагандисты и агитаторы испытывали однъ только неудачи. Нъмецъ Тунъ и здъсь ближе къ истинъ. Онъ говоритъ: «Справедливо то мнъніе, что результаты далеко не соотвътствовали жертвамъ: жертвы были многочисленны и тяжелы, результаты весьма незначительны. Но не следуеть думать, что пропаганда прошла безъ всякихъ следовъ. Во многихъ случаяхъ соціалистическія идеи запали въ головы крестьянъ... И мы видимъ, что многіе крестьяне и рабочіе на судъ съ воодушевленіемъ исповъдують свои соціалистическія воззрынія... Въ соціалистическихъ кружкахъ было много членовъ изъ рабочихъ; существовали даже чисто рабочіе союзы, какъ наприм'єрь, въ Одессь... Наконецъ, пропаганда имъла еще и тотъ результатъ, что было пріобрътено нъсколько точекъ опоры для дальнъйшей дъятельности въ перевнъ. Пропагандистское движение пустило въ народъ болъе глубские корни, чъмъ всв прежніе заговоры, и заложило основы для будущей революціонной партіи» **).

Въ этихъ строкахъ Тунъ подводитъ итоги дѣятельности соціалистовъ въ 1873—74 годахъ. Итоги эти, какъ я уже замѣтилъ, ближе къ

истинъ, чъмъ-то, что сообщаетъ намъ Е. А. Серебряковъ. И приблизительно такіе же результаты дала дъятельность собственно народническаго періода, т. е. 1875—78 годовъ. И тогда соціалистическія идеи продолжали западать въ головы крестьянъ, рабочее же движеніе своимъ быстрымъ развитіемъ даже превзошло ожиданія «интеллигентных» революціонеровъ, какъ въ этомъ сознавалась газета «Земля и Воля». Но нужно помнить, что между крестьянами именно только отдъльныя головы—хотя бы и довольно «многія»—были и могли быть доступны соціалистической пропагандъ. Взятое въ массъ, крестьянство обнаруживало стремленія, не имъвшія ничего общаго съ соціализмомъ. Эти стремленія не ускользнули отъ вниманія пропагандистовъ, но они были истолкованы ими очень неправильно. И именно это неправильное истолкованіе пропагандистами върно схваченныхъ ими народныхъ стремленій положило основаніе нашему революціонному народничеству.

Дъло въ томъ, что крестъянинъ, охотно и внимательно слушавшій разсказы и разсужденія пропагандиста на тему о малоземельть, о тяжести податей, о произволть администраціи, о безсердечіи помъщиковъ, о жадности поповъ, о хищничествть кулаковъ и т. н., въ массть оказывался глухъ къ проповъди соціализма. Соціалистическіе идеалы не только не влекли его къ себть, но прямо не укладывались въ его голову, потому что въ идеалахъ, подсказываемыхъ ему его собственными производственными отношеніями, было очень много буржуазнаго индивидуализма.

«Легче возстановить крестьянина противь царя, чѣмь убѣдить его въ томъ, что не надо частной собственности»,—говориль на одной изъ революціонныхъ сходокъ, осенью 1876 года, Боголюбовъ, который быль очень опытнымъ и умѣлымъ пропагандистомъ. Другой пропагандистъ на другой сходкѣ разсказывалъ, какъ одинъ крестьянинъ, убѣжденный имъ въ необходимости поголовнаго народнаго возстанія и отобранія земли у помѣщиковъ, воскликнулъ однажды съ нескрываемымъ удовольствіемъ: «Вотъ будетъ хорощо, какъ землю-то мы подѣлимъ! Тогда я принайму двухъ работничковъ, да какъ заживу-то!»—Подобныхъ разсказовъ можно было тогда услышатъ отъ всякаго бывалаго пропагандиста великое множество *). Общій смыслъ ихъ былъ тотъ, что идеаломъ русскаго крестьянина, подавленнаго гнетомъ податей и закрѣпощеннаго государству,

^{*)} Эту черту очень хорошо подмътиль и върно изобразиль въ своихъ «Воспоминаніяхъ» В. К. Дебагорій-Мокріевичъ.

^{**)} Cм. стр. 68—69.

^{*)} Въ легальной литературъ тъ же самыл черты крестьянскаго идеала сталь указывать впослъдствіи Г. И. Успенскій.

является крестьянинь, избавленный отъ этого гнета и освобожденный отъ этого закръпощенія, но остающійся самостоятельнымъ производителемъ и даже отчасти предпринимателемъ, -- словомъ: мелкій буржуа земледилія. Этого смысла революціонеры не поняли во всемъ его великомъ общественномъ значении. Они ръшили, что если крестьянинъ теперь, вообще говоря, не интересуется соціализмомъ, то это происходитъ лишь отъ того, что община пока еще не достигла надлежащей высоты развитія, а впоследствіи, когда она поднимется на эту высоту, стремленіе къ соціализму вырастеть само собою изъ условій крестьянской живни. А отсюда они сдълали тотъ выводъ, что задача революціонеровъ сводится теперь къ устраненію всего того, что препятствуеть сохраненію и дальнъйшему развитію общины и всьхъ прочихъ старыхъ «устоевъ» экономической жизни народа. Этотъ выводъ и легъ въ основу всей народнической программы. Возникновение народничества означало, что наши соціалисты отступають передъ трудностями соціалистической пропаганды и агитаціи въ крестьянствь и, совершая свое отступленіе, утьшають себя вырой въ будущее «самопроизвольное» развитие общины. И чемъ больше давали себя чувствовать названныя трудности. чъмъ ръшительнъе было указанное отступление соціалистовъ, тъмъ болье подготовлялась почва для идеализаціи общины и въры въ ея будущій переходъ «въ высшую форму общежитія». Наивысшей своей точки эта идеализація и эта въра достигли впоследствіи у нъкоторой части народовольцевъ.

Обо всемъ этомъ Е. А. Серебряковъ не говорить ровно ничего. Правда, и у него есть страница, очень хорошо подтверждающая то, что сказано здѣсь мною, но содержаніе этой страницы осталось для него непонятнымъ. Онъ приводить слѣдующую цитату изъ неизданныхъ воспоминаній землевольца: «Положеніе человѣка физическаго труда признавалось попрежнему весьма желательнымъ и цѣлесообразнымъ, но безусловно отрицалось *) положеніе бездомнаго батрака, ибо оно никоимъ образомъ не могло внушить уваженія и довѣрія крестьянству, привыкщему почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность,—а потому настоятельной необходимостью считалось занять такое положеніе, въ которомъ революціонеру, при полной матеріальной самостоятельности, открывалась бы широкая возможность придти въ наи-

большее соприкосновеніе съ жителями данной мъстности» и т. д. *). Что означаеть то пренебрежительное отношеніе крестьянина къ батраку и то его почтеніе къ «матеріальной личной самостолтельности», о которыхъ говорить землеволець? Да именно то, что иное дѣло пролетарій (батракъ), а иное дѣло крестьянинъ, и что идеаломъ крестьянина является,—какъ уже сказано мною,—мелкій буржуа земледьлія. Но Е. А. Серебряковъ обращаеть на это такъ же мало вниманія, какъ наши нынѣшніе «соціалисты-революціонеры».

Еще два небольшихъ замъчанія, чтобы покончить съ его неудачной брошюрой. Онъ утверждаетъ, что непремъннымъ условіемъ начала Казанской демонстраціи 1876 года было поставлено присутствіе на площади не менъе двухъ тысячъ человъкъ манифестантовъ, но что «вопреки принятому ръшенію, хотя и собралось только 200—300 человъкъ, нашелся ораторъ, который началь говорить ръчь» **). Это неправда. Ка послъднемъ своемъ собраніи организаторы демонстраціи ръшили, наоборотъ, что демонстрація должна состояться, хотя бы на нее пришло всего ньсколько сото человькъ. Это ръшеніе было принято потому, что демонстрація уже не разъ назначалась и отсрочивалась, и новая отсрочка подъйствовала бы на всю петербургскую революціонную среду самымъ деморализующимъ образомъ ***). Е. А. Серебряковъ, очевидно, совсъмъ не знаетъ обстоятельствъ дъла, о которомъ взялся говорить.

«Дъло кончилось, конечно, такъ, какъ многіе предвидѣли, —разсказываетъ дальше нашъ авторъ. —Въ виду малочисленности манифестантовъ, полиція натравила на нихъ дворниковъ, сидѣльцевъ сосѣднихъ лавокъ и проч., и началось поголовное избіеніе». Это опять не такъ. Дворники, дѣйствительно, работали тогда не хуже, чѣмъ они работаютъ въ подобныхъ случаяхъ теперь. Но что до «поголовнаго избіенія» былю очень далеко, это доказывается тѣмъ, что ни одинъ изъ выдающихся землевольцевъ, бывшихъ на Казанской площади и отражавшихъ полицейское нападеніе, не былъ арестованъ. Далѣе Е. А. Серебряковъ сообщаетъ намъ, что хотя Казанская демонстрація произвела удручающее впечатлѣніе, но что жестокій приговоръ суда надъ ея участниками вер-

^{*)} Рачь идеть здёсь объ эпоха народничества.

^{*)} Общество «Земля и Воля», стр. 17.

^{**)} Crp. 16.

^{***)} См. объ этомъ въ моей брошюръ: «Русскій рабочій въ революціонномь движеніи». Чрезвычайно жаль, что Е. А. Серебряковъ въ разбираемомъ мною мъстъ не указываетъ своихъ источниковъ.

нулъ революціонерамъ симпатіи общества, доказавъ ему, что «демонстрапія, очевидно, уже не такъ была смѣшна, если правительство вынуждено было прибѣгнуть къ столь суровымъ мѣрамъ *). Въ настоящее время, когда демонстраціи, подобныя Казанской, вошли, можно сказать, въ обычай, нѣтъ нужды доказывать, что онѣ не совсѣмъ смъшны даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда полиціи удается натравить на демонстрантовъ «дворниковъ, сидѣльцевъ сосѣднихъ лавокъ и проч.».

Программа, приводимая Е. А. Серебряковымъ въ качествъ программы того общества «Земля и Воля», о которомъ говорится въ его брошюръ **), на самомъ дълъ была написана гораздо позже и выражаетъ взглады и намъренія совсъмъ другого общества, возникшаго подъ тымъ же именемъ въ 1880 году. Я хорошо знаю какъ эту программу, которую я читалъ въ ея рукописномъ проектъ, присланномъ на просмотръ нашей группъ весною указаннаго года, такъ и программу «Земли и Воли» семидесятыхъ годовъ, которая была формулирована мною весною 1878 года ***). И я могу доказатъ Е. А. Серебрякову, что онъ ввелъ своихъ читателей въ жестокую ошибку.

Теперь довольно объ его неудачной брошюрѣ. Возвращаясь опять къ Туну, я замѣчу, что его характеристика такъ называемаго народовольческаго направленія тоже не свободна отъ нѣкоторыхъ противорѣчій, за которыя, однако, и здѣсь приходится винить не его, а источники, находившіеся въ его распоряженіи. Въ народовольческую организацію входили люди, довольно сильно расходившіеся между собою во взглядахъ на важнѣйшія задачи нашего революціоннаго движенія. Въ ней были радикалы въ западно-европейскомъ смысль, но были и чистокровные народники, пришедшіе къ тому убѣжденію, что только низверженіе нынѣшняго нашего государственнаго порядка проложить свободный путь для развитія старинныхъ «устоевъ» народной экономической жизни; были въ ней, наконецъ, и такіе люди, и эти составляли, кажется, большинство, которые одновременно склонялись и къ западно-европейскому радикализму, и къ россійскому народничеству, вслѣдствіе чего ихъ воззрѣнія дѣлались въ высшей степени запутанными. Какъ на самаго выдающагося предста-

вителя западно-европейскаго радикализма въ «Партіи Народной Воли» можно указать на А. И. Желябова. Въ его біографіи, написанной Тихомировымъ и одобренной къ печатанію Исполнительнымъ Комитетомъ партім Н. В., мы встрівчаемь слівдующія строки: «Политическій агитаторь рано сказался въ немъ. Такъ, напримъръ, онъ принималъ дъятельное участіе въ организаціи помощи славянамъ, разсчитывая, какъ разсказывалъ впоследствіи, на деле возрожденія славянь помочь политическому восинтанію самого русскаго общества. Вообще надо сказать, что этотъ мужикъ по своему происхождению никогда не отвертывался отъ «общества», какъ дълало большинство отправлявшихся въ народь. Русская революція представлялась ему не исключительно въ видь освобожденія крестьянскаго или даже рабочаго сословія, а въ видѣ политическаго возрожденія всего русскаго народа вообще. Его взгляды въ этомъ случав значительно расходились со взглядами большинства современной ему революціонной среды» *). Это чрезвычайно характерныя строки. Здісь «русскій народъ вообще» противопоставляется «крестьянскому или даже рабочему сословію», т. е. болье или менье правильно опредъленному классу эксплоатируемых з. Желябовъ смотрълъ на задачи русской революців не съ точки зрънія интересовъ этого класса, а съ точки зрънія «русскаго народа вообще» т. е. всей той совокупности классовъ, интересы которых расходятся съ интересами самодержавія. Авторъ его біографіи недурно объясняетъ намъ, какія именно соображенія располагали А. И. Желябова къ принятію именно той точки зрвнія, которая, по справедливому замъчанію того же автора, была чужда большинству тоглашнихъ нашихъ революціонеровъ. Желябовъ разсуждаль такъ: «Соціально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дъло должно бы всецъло лежать на тъхъ людяхъ, которые называють себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А между тъмъ эти учрежденія настолько необходимы, что при ихъ отсутствім никакая діятельность невозможна. Поэтому русская соціальнореволюціонная партія принуждена взять на себя обязанность сломить - деспотизмъ и дать Россіи тъ политическія формы, при которыхъ возможна станеть «идейная борьба». Въ виду этого мы должны остановиться, какъ

^{*)} Тамъ же, та же страница.

^{**)} Cм. стр. 9—12 этой брошюры.

^{***)} Раньше этого времени она существовала лишь въ словесной формулировкъ.

^{*) «}Андрей Ивановичъ Желябовъ», стр. 14—15.

на ближайшей цели, на чемъ нибудь такомъ, достижение чего давало бы прочное основание политической свободъ и стремление къ чему могло бы объединить всё элементы, сколько-нибудь способные къ политической активности» *). Кто думаеть, что соціально-революціонная партія не имъетъ своей задачей политическихъ реформъ. тотъ держится взгляда стараго утопического соціализма, противополагавшаго себя «политикт». Въ этомъ отношении А. И. Желябовъ сходился съ большинствомъ народниковъ, воспитанныхъ въ преданіяхъ бакунизма: но именно потому, что и онъ, подобно другимъ народникамъ, противополагалъ соціализмъ («задачи соціально-революціонной партіи») политикь, онъ, уб'єдившись въ неизбъжности политической борьбы, увидълъ себя вынужденнымъ отодвинуть на задній планъ соціалистическую задачу. Онъ сталь стремиться къ объединению вскаго противниково самодержавія, всябдствіе чего классовые интересы «крестьянскаго или даже рабочаго сословія» потеряли въ его глазахъ всякое самостоятельное значение. Принципъ борьбы классовъ сдълался неудобнымъ для него принципомъ, потому что могъ помъшать указанному объединению. И вотъ мы видимъ, что А. И. Желябовъ. съ последовательностью, делающею величайшую честь его логика. объявляеть на воронежскомъ съвздв, что, по его мнвнію, революціонеры должны оставить теперь всякую мысль о классовой борьбы. Это вызвало противъ него цълую бурю; ему возражали. что въ такомъ случат мы должны отказывать въ нашей поддержкъ стачечникаль, такъ какъ стачка несомивнно представляетъ собою одинъ изъ видовъ классовой борьбы **). И въ отвътъ на это онъ произнесъ свою знаменитую фразу, которую теперь часто истолковывають такъ неправильно. «Стачечникъ велеть двоякую борьбу, —сказаль А. И. Желябовъ, —онъ ведетъ классовую борьбу съ фабрикантами и политическую борьбу съ полиціей; и я буду поддерживать его именно потому, что онъ борется съ этой последней». Сказать это могъ именно только радикаль въ западно-европейскомъ смысль. Соціалисть, отброснвшій предразсудки утопическаго періода, понимаеть. что политическая борьба тоже можеть стать классовою и даже должна стать классовою, чтобы имъть шансы на успъхъ.

to be the appropriate of the property of the p

Теперь, когда читатель уясниль себь точку зрънія А. И Желябова на основаніи показаній г. Л. Тихомирова, я попрошу его обратить вниманіе на то, какъ представляль себь политическую задачу «соціально-революціонной партіи» самъ г. Л. Тихомировь.

«Идея дъйствительной равноправности политическаго и экономическаго элементовъ въ партійной программъ нашла себъ ясное и громкое признаніе только съ появленіемъ народовольства, —говорить онъ въстатьъ:

Чего намъ ждать отъ революціи?» *)—Тъсная связь этихъ обоихъ элементовъ въ общественной жизни сдълалась мало по малу очевидной съ тъхъ поръ, какъ соціалисты перешли къ практической дъятельности. Совершенно помимо желанія, и въ противность предвзятымъ теоретическимъ взглядамъ, они должны были убъдиться при этомъ, какъ неизбъжна политическая борьба, какъ она сама навязывается каждому общественному дъятелю. Послъ этого опыта соціалисты могли уже сознательно понять тотъ характеръ историческаго развитія, который они до сихъ поръ только смутно ощущали. Народовольская программа была первымъ гласнымъ проявленіемъ этого сознанія».

У Желябова соціализмо противополагался полишикь. У р. Тихомирова «эти оба элемента» изображались какъ неразрывно связанные между собою. Желябовъ находилъ, что соціально-революціонная партія должна прежде всего добиться «свободных» учрежденій и гарантій личныхъ правъ», т. е. политической свободы, т. е. конституціи. Г. Тихомировъ думаль, что этого слишкомъ мало. «Въ самомъ дълъ, — спрашиваль онъ. для чего намъ нужна конституція? Въдь не для того же. чтобы дать буржуазін новыя средства для организацін и дисциплинированія рабочаго класса посредствомъ обезземеленія, штрафовъ и зуботычинъ. Такимъ образомъ бросаться прямо въ омуть головой можеть лишь человъкъ. вполнъ преклонившійся передъ неизбъжностью и необходимостью капитализма въ Россіи» **). Г. Л. Тихомировъ не преклонялся передъ этой необходимостью и, кромъ того, онъ, какъ видимъ. быль убъжденъ. подобно всёмъ народникамъ, что завоеваніе политической свободы, не сопровождающееся немедленной соціальной революціей, принесеть рабочему классу гораздо больше вреда, чёмъ пользы, утвердивъ власть буржуазіи.

the arrange of the second party and all the

^{*)} Тамъ же, стр. 36.

^{**)} Въ высшей степени замъчательно, ито народники, дъйствовавшіе преимущественно въ крестьянствь, вспомнили прежде всего рабочихъ, когда имъ пришлось разсуждать о борьбъ классовъ.

^{*) «}Выстникъ Народной Воли», кн. 2-ая, стр. 232—233.

^{**)} Тамъ же, стр. 237.

Поэтому г. Л. Тихомировъ говорилъ, что за «таинственной чертой» предстоящей революціи насъ ждеть «начало соціалистической организаціи Россіи» *). Короче, народоволецъ Желябовъ смотрѣлъ на политическій вопросъ совсимъ другими глазами, чимъ народоволецъ Тихомировъ. Туть надо замътить, правда, что приведенный мною взглядъ Тихомирова окончательно сложился и быль принять большинствомь народовольцевь уже значительно позже воронежского конгресса. Его выработкъ и распространенію въ средъ народовольцевъ очень значительно содъйствоваль ропоть «широкой публики», т. е. революціонной интеллигенціи, сочувствовавшей народовольческой борьбъ, но по старой (народнической) памяти опасавшейся, что «политическая революція» отдасть народь во власть буржуазіи. И все-таки несомнънно то, что уже во время воронежскаго събзда политическіе взгляды А. И. Желябова не раздълялись большинствомъ его товарищей. Его біографъ, какъ мы видъли, прямо говорить это. Г. Л. Тихомировъ и въ то время совсемъ иначе, чемъ Желябовъ, понималъ революціонную задачу своей партіи. Это доказывается его статьями въ «Народной Воль», которая начала выходить въ Петербургъ уже осенью 1879 года. Въ тогдашнихъ соціально-политическихъ взглядахъ г. Тихомирова были чрезвычайно сильны элементы народничества. А между тъмъ этотъ народникъ, такъ сильно опасавшійся того, что конституція окончательно отдасть народь во власть буржуазіи, и утімавній себя только той надеждой, что революціонерамъ удастся захватить политическую власть въ свои руки и, опираясь на нее, приступить къ «соціалистической организаціи Россіи», этотъ народникъ-якобинецъ, -- говорю я, -- проговаривался иногда такими мнъніями, на основаніи которыхъ его можно было бы причислить уже не къ европейскимъ радикаламъ, къ какимъ принадлежать Желябовь, а къ довольно зауряднымо русскимо либераламо. Такь, напримъръ, во внутреннемъ обозръніи третьей книжки «Выстника Нар. Воли» г. Тихомировъ, указавъ на то, что правительство, запретившее «Отечественныя Записки». объявило направление этого журнала, и вообще прессы «извъстнаго оттънка», одинаковымъ съ направленіемъ «подпольной печати», —замъчаетъ:

«Пресса извъстнаго оттънка, въ переводъ на русскій языкъ, означаеть не что иное, какъ ту прессу, которая выражаетъ настроеніе, направленіе и желанія девяти десятыхъ всего того, что только есть въ Рос-

сіи развитого, знающаго и честнаго... короче говоря—это направленіе русскаго общества, и съ нимъ-то находятся въ основномъ противоръчіи начала, поддерживаемыя существующимъ правительствомъ... Мы можемъ только поблагодарить правительстве за откровенность, съ которой оно разоблачаеть себя, свою программу, свой строй» *). Далье, оговорившись насчеть того, что необходимо разграничить міросозерцанія, идеалы и стремленія съ одной стороны и способы ихъ достиженія съ другой, внутренній обозрѣватель «Вѣстника Нар. Воли» продолжаеть: «Правительство вполнъ право, когда не видить существенной разницы въ общемъ міросозерцаніи и идеалахъ революціонеровъ и—наиболье развитой, культурной части русскаго общества. Дъйствительно, революціонеры добиваются того самаго, чего хочеть эта часть общества: осуществленія правъ человъка и гражданина, разумной политической организаціи государства, обезпеченія трудящагося, правильной организаціи національнаго производства, но въ какомъ отношении эти стремленія, -- стремленія каждаго порядочнаго человъка не одной Россіи, а всего цивилизованнаго міра, въ какомъ отношеніи эти стремленія находятся къ политическимъ убійствамъ и возстаніямъ?» **).

Отказываясь отъ совмъстнаго съ г. Тихомировымъ разсмотрънія этого послъдняго вопроса, объ отношении убійствъ и возстаній къ идеаламъ, мы скажемъ, что здъсь программа партіи Народ. Воли была выставлена имъ въ новомъ и неожиданномъ видъ. Если эта партія, которая должна была въ скоромъ времени взяться за «соціалистическую организацію Россіи». выражала стремленія наибол'є развитой и культурной части общества. то выходить, что эта часть общества тоже была пропитана соціалистическими идеалами и стремилась положить конецъ эксплоатаціи низшихъ классовъ высшими, къ которымъ она, мимоходомъ сказать, сама припадлежала. Но это совершенно невъроятно. Поэтому остается только усумпиться въ томъ, что программа, которую выставляли народовольцы и которая совпадала съ «направленіемъ русскаго общества», была программой соціалистической революціи. И это сомнівніе становится еще болъе законнымъ въ виду той неопредъленной формулировки, которую здёсь даваль г. Тихомировь этой программе. Въ самомъ деле, необходимость «разумной политической организаціи государства», «обез-

Svenier June 4. 20 Spring Verlage

^{*)} Тамъ же, стр. 248. Ср. также стр. 260.

^{*)} Стр. 99—101.

^{**)} CTP. 101.

печенія трудящихся» и «правильной организаціи національнаго производства» въ такой же мъръ признается либералами, какъ и соціалистами. Весь вопросъ въ томъ, какія конкретныя требованія скрываются поль этими общими фразами. А этотъ-то неизбъжный вопросъ и быль оставлень зайсь г. Тихомировымь безъ отвита. Г. Тихомировъ ограничился констатированіемъ того факта, что стремленія его партіи совпадають съ «направленіемъ русскаго общества». И напрасно стали бы мы обвинять его въ желаніи обмануть «общество» на счеть истинныхъ цълей партіи Народной Воли, нътъ онъ не обманываль, а скорые быль обмануть. Марксъ говорить въ своемъ сочинении о «революции и контръ-революціи въ Германіи», что въ этой странв «въ концв 1847 г. врядъ-ли былъ хоть одинъ выдающійся политическій діятель среди буржуазіи, который не провозгласиль бы себя «соціалистомъ» для обезпеченія симпатіи пролетарскаго класса». Передовые представители медкой буржуазіи въ Россіи;—«интеллигенты» всякихъ названій и призваній, — тоже чуть не поголовно причисляли себя къ соціалистамъ. Дълалось это у насъ не за тъмъ, чтобы обманывать пролетаріать, самое существование котораго почти не признавалось тогда «интеллигенцией», а просто потому, что передовая часть «общества» привыкла отождествлять съ «соціализмомъ» всякое стремленіе къ общественному благу и всякое сочувствіе народу. На самомъ дълъ въ ея стремленіи къ общественному благу и въ ея сочувствіи народу было очень мало соціалистическаго. Но туть опять приходится вспомнить Маркса, который говорить: «Этикетки, накдеиваемыя на систему, тъмъ отличаются отъ этикетокъ, наклеиваемыхъ на другіе товары, что онв обманываютъ не только покупателя, но и самого продавца» *). Воображая себя сторонницей соціализма, наша мелко-буржуазная интеллигенція обманывала не только самое себя, но также и нашу «соціально-революціонную партію». Когда наши революціонеры перестали возлагать свои надежды на революціонную самод'вятельность «народа», они стали уповать на поддержку со стороны «общества», передовая часть котораго казалась имъ преисполненной «соціалистическихъ идеаловъ». Но такая ошибка не могла, конечно, остаться безнаказанной: признавая себя солидарной съ «обществомъ», которое на самомъ дълъ не имъло, да и не могло имъть никакого серьезнаго отношенія къ соціализму, партія Народной Воли тъмъ самымъ показывала, что ея собственный соціализмъ быль, по меньшей мъръ, недостаточно послыдователенъ и продуманъ.

Вотъ яркій примъръ въ подтвержденіе сказаннаго. Когда, въ концъ восьмидесятыхъ годовъ, въ русской революціонной печати стали раздаваться голоса, приглашавшіе нашихъ революціонеровъ на время отказаться от соціализма и превратиться въ либераловъ *), тогна одинъ изъ самыхъ върныхъ хранителей стараго народовольческаго преданія. г. Кашинцевъ, въ статъв «По поводу одной программы», напечатанной въ первомъ и единственномъ номеръ газеты «Соціалистъ», писалъ, что соціализмъ занималъ первое мъсто въ революціонныхъ программмахъ собственно только въ самомъ началъ нашего движенія». «Это было. говориль онъ, -- но было лишь въ исходные моменты юношескаго увлеченія, которое при первыхъ столкновеніяхъ съ жизнью и критической мыслью начало уступать и очень скоро уступило свое мъсто иному, чисто реальному, пониманію общественныхъ отношеній, революціонному міросозерцанію, оставшемуся въ своихъ основахъ неизмъннымъ и по сіе время. Даже въ первыхъ опытахъ нелегальной литературы вопросамъ чистаго соціализма, теоретическаго и практическаго, отводилось сравнительно немного мъста (пожалуй столько, сколько было нужно въ интересахъ гуманитарной пропаганды для юношества...)». Далъе, г. Кашинцевъ утверждаетъ, что уже въ періодъ хожденія въ народъ революціонная пропаганда юпиралась главнымъ образомъ «на указанія народныхъ бъдствій настоящаго, безобразія правительства, а не на соціализмъ... И чёмъ дальше, тъмъ больше, пока. наконецъ, Народная Воля не ръшила вопроса, и вполнъ опредъленно, въ смыслъ борьбы съ абсолютизмомъ». Это чрезвычайно замъчательно. Если върить г. Кашинцеву. — а не върить ему мы не имъемъ ни самомалъйшаго основанія, то выходить, что дъятельность партіи Народной Воли имѣла съ соціализмомъ лишь очень мало общаго. А въ такомъ случав не удивительно и то, что самый вліятельный изъ ея публицистовъ могъ сказать, что ея программа вполнъ совпадаеть съ «направленіемъ» передовой части «общества»!.

А. П. Корба,—которую редакція «Былого» справедливо называетъ видной дъятельницей партіи Народной Воли,—говорила въ своей ръчи на судъ (1883 г.):

^{*) «}Das Kapital», II Band, zweite Aufl., S. 333.

^{*)} Громче всего эта проповъдь раздавалась въ «Свободной Росси», органъ г. Вл. Бурцева, нынъніняго союзника нашихъ «соціалистовъ-революціонеровъ».

«Г.г. сенаторы, вамъ хорошо извъстны основные законы россійской имперіи: никто въ Россіи не имѣетъ права высказываться за измѣненіе государственнаго строя; никто не можеть даже помышлять объ этомъ; въ Россіи запрещены даже коллективныя петиціи! Но страна растеть и развивается; условія общественной жизни усложняются съ каждымъ годомъ; наступаетъ моментъ-страна задыхается въ узкихъ рамкахъ, изъ которыхъ нътъ выхода... Историческая задача партіи Народной Воли заключается въ томъ, чтобы расширить эти рамки, добыть для народа самостоятельность и свободу. А средства ея находятся въ непосредственной зависимости отъ правительства. Партія не стоить непреоборимо упорно за террорь; рука, поднятая для нанесенія удара, опустится немедленно, какъ только правительство заявить нам'вреніе изм'внить политическія условія жизни... но отчего она не можетъ отказаться, не совершивъ предательства, измѣны противъ народа, --это отъ завоеванія отъ него свободы, а вивств съ твиъ благосостоянія. Въ подтвержденіе того, что цъли партіи совершенно миролюбивыя, я прошу прочесть письмо къ императору Александру III отъ Исполнительнаго Комитета, написанное вскоръ послъ 1-го марта. Изъ него вы увидите, что партія желаетъ реформъ сверху, но реформъ искреннихъ, полныхъ, жизненныхъ» *).

Эта рѣчь, съ ея требованіемъ жизненныхъ, полныхъ и искреннихъ реформъ сверху, выражаетъ взглядъ очень умъренный, но всетаки гораздо болѣе близкій къ радикальнымъ взглядамъ Желябова, чѣмъ къ программѣ якобинскаго народничества, изложенной г. Тихомировымъ въ его статъѣ: «Чего намъ ждать от революціи?» Не надо было быть соціалистомъ, чтобы одобрить взглядъ А. П. Корба.

Наконецъ, приведу еще отрывокъ изъ письма народовольца Якубовича, — осужденнаго «по процессу 21-го», — слъдующимъ образомъ характеризующій эволюцію руководящихъ идей партін Народной Воли.

«Чѣмъ мы становимся старше и болѣе эрѣлыми, тѣмъ минимальнѣе становятся наши требованія. Посмотрите на то, что требовала «Партія Народной Воли» въ самомъ началѣ своего существованія, къ чему она стремилась? Еще въ 8 и 9 №№ своего органа она заявляла, что цѣль ея— захватъ власти. И что же? Въ настоящее время иного народовольца такая задача заставляетъ улыбаться. Наша формула стала иная: призывъ на-

рода съ высоты трона, поколебленнаго ударами революціонеровь. Мы не можемъ съ полною увъренностью нарисовать послъдствій такого призыва и представить себъ эти послъдствія во всъхъ ихъ подробностяхъ. Мы не беремъ на себя пророчествъ. Но я върю..... что русскій народъ—великій народъ, что моментъ созыва Земскаго Собора будетъ великій моментъ и не пройдетъ безслъдно въ русской жизни и исторіи; страстный энтузіазмъ, который охватитъ народъ и общество, первоначально на почвъ чисто политической, неизбъжно повлечетъ за собой также и всю долю необходимыхъ и осуществимыхъ реформъ экономическихъ. Эта наша въра» и т. д. *).

Эти строки были написаны г. Якубовичемъ очень немного времени спустя послъ того, какъ появилась уже нъсколько разъ цитированная мною статья г. Тихомирова «Чего намъ ждать ото революціи?» И въ этихъ строкахъ весь соціализмъ ограничивается «върой» въ величіе русскаго народа и момента созыва Земскаго Собора. Не беря на себя никакихъ пророчествъ, я съ увъренностью говорю, однако, что эту «въру» не откажутся раздълить самые умъренные русскіе либералы.

Теперь многіе стремятся реставрировать народовольческіе взгляды, и вы нікоторых органахь нашей революціонной печати не різдко выражается теперь радость по поводу поворота въ сторону идей Партіи Народной Воли, замічаемаго въ нікоторой части нашей интеллигенціи. Очень жаль, что публицисты, радующіеся такому повороту, не опреділяють точніве, къ какимо именно народовольческимь идеямъ поворачиваемъ мы теперь: ко идеямо мелябова, или г. Тихомирова—автора статьи: «Чего намо ждать ото революціи?», или г. Тихомирова—автора цитированнаго мной внутренняго обозринія 3-ей книжки «В. Н. В.», или г. Кашинцева, или г. Якубовича? Віздь всякій видить, что нельзя «поворотить» ко всімь этимъ идеямь одновременно, такъ какъ слишкомъ уже велико различіе между ними.

Товарищъ Невзоровъ говоритъ, заканчивая свою брошюру: «Народовольцы выставили положеніе, что политическая свобода (помимо того, что она есть благо сама по себѣ) необходима именно для развитія соціалистической дѣятельности, что широкая пропаганда соціалистическихъ идей невозможна при абсолютномъ режимѣ, и что поэтому борьба съ самодержавіемъ и низверженіе его составляютъ главную, первую задачу русскихъ соціалистовъ революціонеровъ» **). Это и такъ, и не такъ. Нъ-

^{*)} См. «Былое» № 3, стр. 172—173.

^{*)} См. брошюру «Процессъ 21-го», Женева, 1888 г., стр. 21—23.

^{**) «}Отказываемся ли мы отъ наслёдства?», стр. 73—74.

которые народовольцы, — скажу: народовольцы желябовского толка. дъйствительно выставляли это положение. Но за то другие, —назовемъ ихъ народовольцами тихомировского согласія, выставляли то положеніе, что если паденіе самодержавія не послужить сигналомъ для «соціалистической организаціи Россіи», то отъ него выиграеть одна только буржуазія. И при этомъ и тъ, и другіе одинаково плохо понимали отношеніе соціализма къ политикъ *). Вотъ почему наслъдство, доставшееся отъ нихъ намъ, соціалъ-демократамъ, было въ теоретическомъ отношеніи и съ этой стороны крайне бъдно. Вотъ почему первой русской соціаль-демократической группъ, -- группъ «Освобождение Труда» -- пришлось въ первомъ же своемъ изданіи разсматривать именно неразрѣшенный предшествовавшими направленіями вопрось объ отношеніи соціализма къ политикь **). Въ брошюръ товарища Невзорова дъло изображается такъ, какъ будто соціально-политическое міросозерцаніе соціаль-демократовъ было сшито изъ искусно подобранныхъ клочковъ разныхъ другихъ міросозерцаній, существовавшихъ въ предшествовавшіе періоды. Пусть извинить меня товарищъ Невзоровъ, но когда я прочиталъ его брошюру, русская соціальдемократія на минуту явилась мнв вь образв гоголевской неввсты, мысленно приставлявшей усы одного изъ своихъ многочисленныхъ жениховъ къ носу другого. Но въ дъйствительности она такой невъстой никогда, ръшительно никогда не была. Мы не сшивали своихъ взглядовь изъ кусочковъ чужихъ теорій, а последовательно вывели ихъ изъ своето революиюннаго опыта, освъщеннаго яркимъ свътомъ ученія Маркса. Не понимаю, какъ не замътилъ товарищъ Невзоровъ, что ръшеніе политическаго вопроса, предложенное группой «Освобожденіе Труда», существенно отличалось отъ всъхъ многоразличныхъ ръшеній, дававшихся народовольцами разныхъ оттънковъ. При томъ же надо помнить, что ръшеніе этого вопроса, принимавшееся большинствомъ народовольцевъ,—т. е. ръшеніе народническо-якобинское,—было предложено гораздо раньше *П. Н. Ткачевымъ* и вообще группой «Набата». Слъдовательно, если уже признавать, что это ръшеніе носило въ себъ зародышъ ръшенія соціаль-демократическаго,—чего на самомъ дълъ че могло быть,—то съ благодарностью за это мы должны обращаться именно къ группъ «Набама», а не къ народовольцамъ.

Авторь брошюры «Эволюція русской соціалистической мысли» обнаруживаеть полное непониманіе исторіи этой мысли, утверждая, что «полемика между марксистами и хотя бы народовольцами была основана вызначительной степени на недоразумініи» 1). Вовсе ніть! Сь самаго своего возникновенія и включительно до нашихь дней эта полемика основана была не на недоразумініи, а на серьезнійшихь принципіальныхь разногласіяхь. Эти разногласія были такь велики, что между народовольцами и послідовательными соціаль-демократами могло быть соглашеніе или, если хотите, сближеніе по нькоторыма отдыльныма практическима вопросама, но объединеніе было немыслимо, вслідствіе коренной разницы во взглядахь. А полемика обусловливалась именно этой разницей. Возьмемь коть тоть вопрось, на примірів котораго поясняеть свою мысль авторь названной мною брошюры.

«Вспомнимъ, —говоритъ этотъ авторъ, —какъ наиболѣе выдающійся выразитель русскаго марксизма формулироваль разницу соціалъ-демо-кратической и народовольческой точекъ зрѣнія на отношеніе интеллигенціи къ пролетаріату: по мнѣнію, моль, народовольца рабочій существуетъ для революціи, а не революція для рабочаго; по мнѣнію соціалъ-демократа, наоборотъ, революція существуеть для рабочаго, а не рабочій для революціи. Отсюда дѣлается тотъ выводъ, что въ то время, какъ Народная Воля смотритъ-де на пролетаріатъ лишь сверху внизъ и извнѣ, какъ на силу, могущую содѣйствовать желательному для интеллигенціи перевороту, соціаль-демократія видитъ, наоборотъ, въ пролетаріатъ единственно самодовлѣющій соціальный классъ, который можетъ и долженъ совершить переворотъ исключительно въ своихъ интересахъ, совпадающихъ, впрочемъ, и съ интересами всего человѣчества. Спрашивается те-

^{*)} Дж. Кеннанъ, описавъ свой разговоръ съ однимъ изъ политическихъ ссыльныхъ въ Сибири, замѣчаетъ: «Заклеймить такого человъка кличкой «нигилистъ» было глупо, а сослать его, какъ опаснаго члена общества, въ Сибирь низко и безчестно. На всемъ земномъ шаръ человъкъ такихъ убъжденій слыль бы за умѣреннаго либерала» («Сибирь», Берлинъ, 1891 г., стр. 124). А въдъ этотъ ссыльный ужъ навѣрное принадлежалъ къ той части нашего «общества», направленіе котораго совпадало, по словамъ г. Тихомирова, съ направленіемъ Партіи Народной Воли! Пока наши революціонеры не умѣли совершить теоретическое примиреніе соціализма съ политикой, до тѣхъ поръ они по необходимости выступали поперемѣню, то какъ соціалисты-утописты, то какъ «либералы».

^{**)} См. мою брошюру: «Соціализмъ и политическая борьба», Женева. 1883 г.

^{*)} CTp. 4.

перь, насколько современная соціаль-демократія въ состояніи удовлетвориться безъ оговорокъ лапидарной фразой «не рабочій для революція, а революція для рабочихъ» *).

Прежде, чъмъ отвътить на то, что «спрашивается» нашимъ авторомъ, я замъчу, что приводимая имъ «дапидарная фраза» при всей своей «дапидарности» никогда не выдавалась русскими соціалъ-демократами за формулу, выражавшую ихъ разногласіе съ народовольцами по вопросу объ отношеніи интеллигенціи къ рабочимъ. Это было бы просто-напросто смышно. Эта мнимая «формула» явилась такъ. Споря съ г. Тихомировымъ, я коснулся замѣчанія его о томъ, что вотъ, молъ, и народовольцы тоже признавали, что рабочіе важны для революціи. На это замъчаніе я возразиль, что по нашему, наобороть, революція важна для рабочихъ. Этимъ я хотълъ сказать, —и подробно сказалъ въ сочинении, посвященномъ этому самому спору,-что мы стоимъ на точкъ зрънія пролетаріата, которая остается чуждой и непонятной народовольцамъ. Но я не ограничился этимъ возраженіемъ, --котораго я не думалъ выдавать ни за какую «формулу»—и развиль свой взглядь очень нодробно. Мнъ жаль, что разбираемый мною авторъ обратилъ вниманіе лишь на «формулу», которая,—повторяю,—въ дъйствительности совсъмъ даже и не формула, хотя она не только «фраза».

Какова была точка эрѣнія Народной Воли? Мнѣ скажуть—соціалистическая. Я допускаю это, хотя выписки, приведенныя мною выше изъ
рѣчей и статей народовольцевь, показывають, что допускать это у меня
ивть достаточнаго основанія. Но дѣло не въ «этикеткѣ»! Во-первыхъ,
извѣстно, что соціализмь бываетъ разный: пролетарскій, мелкобуржуазный, буржуазный, феодальный и т. д. **). Во-вторыхъ, при сужденіи о
всякой данной партіи необходимо принимать въ соображеніе не толко тѣ
программныя «фразы», которыя она признаетъ своими, но также и тотъ
общественный слой, на который она главнымъ образомъ опирается. Самая
безупречная «фраза» получаетъ неподходящее содержаніе, когда ея осущественніе навязыватся такому общественному классу или слою, который осуществить ее не можетъ по объективнымъ условіямъ своей жизни.
«Спрашивается» поэтому, на какой же общественный слой или классъ
опиралась партія Народной Воли?

*) Тамъ же, стр. 4-5.

Мы уже знаемъ, какъ народоволецъ Е. А. Серебряковъ описываетъ въ своей брошюркъ условія соціалистической дъятельности въ Россіи наканунъ возникновенія Партіи Народной Воли: условія эти были, по его словамъ, такъ неблагопріятны, что «деревеньщики» оказались вынужденными бъжать вз города. Это описаніе, не соотвітствующее дібствительности, вполнъ соотвътствуетъ, однако, тому, что думали и говорили въ кружкахъ «политиковъ», впоследстви-народовольцевъ. Эти кружки объявляли деятельность въ крестьянстве совершенно невозможной при нынъшнихъ политическихъ условіяхъ. И это мивніе стало оффиціальнымъ мивніемъ Партіи Народной Воли. Его защищаль органь этой партін, и его же мы находимъ, довольно долгое время спустя, въ «Календарь Народной Воли». Ясно, стало быть, что народовольцы не разсчитывали на крестьянь, какъ на такой классъ, который выступить носителемъ ихъ революціонной идеи *). А рабочис? О рабочихъ вотъ что говорить главный публицисть партіи: «Рабочій, способный къ классовой диктатурь, ночти не существуеть. Стало быть, политической власти ему не поставишь» **). Очень хорошо. Но въ такомъ случав, кому же могли, по мнънію народовольческаго публициста, доставить подитическую власть наши революціонеры? Очевидно, той передовой части общества, направленіе которой совпадало, какъ мы слышали отъ того же публициста, съ направленіемъ Партін Народной Воли. «Спрашивается», могла-ли бы эта часть общества сколько нибудь серьезно взяться за «соціалистическую организацію Россіи»? Теперь уже всякій смышленный школьникъ скажетъ, что-иьто, и точно такъ же всякій смышленный пікольникь понимаеть теперь, что эта часть общества ни за что не пошла бы дальше нъкоторыхъ мелко-буржуазныхъ «соціальныхъ» реформъ. А если это такъ, то ясно, что смертный гръхъ Партіи Народной Воли заключался не въ томъ, что она ошибалась въ построеніи той или другой «лапидарной фразы», а въ томъ, что вся совокупность ея теоретическихъ взглядовъ и ея практическихъ задачъ дѣлала изъ нея невольную, —говорю, невольную и прошу замътить это-служительницу передового слоя нашей мелкой буржуазіи. А совокупность взглядовь и задачь соціаль-демократовь

^{**)} Объ этомъ см. въ «Манифести Коммун. Партіи».

^{*)} Это недавно подтвердила и редакція «Выстинка Русской Революціи» въ своей программной статьъ.

^{**)} Л. Тихомировъ. «Чего намъ ждать от революціи?», «В. Н. В.», кн. 2, стр. 237.

дълала ихъ сознательными служителями рабочаго класса. Вотъ гдъ глубочайшая разница. Она много важные всъхъ возможныхъ различій въ «формулахъ» и «фразахъ»—лапидарныхъ и другихъ.

Но Партія Народной Воли разсчитывала, что когда она повалить царизмъ, ей удастся возбудить самодъятельность крестьянства, которое и примется тогда, -- думала она, -- осуществлять свои старые общигные идеалы. Положимъ, что ей удалось бы добиться объихъ этихъ цълей. Къ чему привело бы осуществление указанныхъ «идеаловъ»? Тотъ, кто понимаетъ, что такое соціализмъ, безъ колебаній отвътитъ, что оно привело бы не къ соціализму, а лишь къ ускоренію темпа того экономинескаго движенія, которое уже надломило етарые «устои» нашей народной жизни и вызвало очень значительное неравенство въ самой крестьянской средь. И съ этимъ давно уже соглашались тъ изъ теоретиковъ «передовой части нашего общества», которые не наобумъ толковали о народъ и объ его «идеалахъ». Не подлежить никакому сомнънію, товориль А. Н. Энгельгардъ, — что, будь крестьяне надълены землей въ достаточномъ количествъ, производительность громадно увеличится, государство станетъ очень богато. Но скажу все таки, что если крестьяне не перейдуть къ артельному хозяйству и будуть хозяйничать каждый дворь въ одиночку, то и при обиліи земли между земледъльцами-крестьянами будуть и безземельные и батраки. Скажу болъе, полагаю, что разница въ состояніяхъ крестьянъ будеть еще значительнъе, чъмъ теперь. Несмотря на общинное владъніе землей, рядомъ съ «богачами» будетъ много обезземеленныхъ фактически батраковъ *). Я прибавлю, что само «артельное производство было бы переходомъ не къ соціализму, а къ капитализму. Но распространяться объ этомъ здёсь нётъ надобности, такъ какъ на развитіе этого производства тогда нельзя было разсчитывать за полнъйшимъ отсутствіемъ необходимыхъ для него предпосылокъ. Такимъ образомъ низверженіе абсолютизма и осуществленіе «общинныхъ идеаловъ» крестьянства, —т. е. полное торжество народовольства тихомировскаго согласія, дали бы лишь новый толчекъ развитію того самаго капитализма, съ которымъ народовольцы названнаго согласія собирались бороться. На дълъ борьба ихъ съ капитализмомъ была бы не пролетарской, а мелко-буржуазной борьбою, и ихъ партія ни въ какомъ случать не вышла бы изъ предвловъ мелко-буржуванаго соціализма, къ которому ее предрасполагало, какъ

мы уже видъли, еще и то обстоятельство, что она состояла главнымъ образомъ изъ представителей образованнаго слоя мелкой буржуазіи *).

Съ своей стороны, соціаль-демократы говорили, что соціалистическая революція можеть быть совершена только силами пролетаріата и что объективной опорой новаго порядка должны быть не обветшавшіе я расшатанные экономическіе «устои» народной жизни, а ть новыя экономическія отношенія, которыя создаются развитіся капитализма. Взгляды соціаль-демократовь были прямо-противоположны взглядамъ народовольцевь, и ихъ противоположности не охватить никакая дапидарная формула, кром'є формулы: одни представляли пролетаріать, другіе—мелкую буржувзію. Но разъ признана неоспоримая правильность этой «лапидарной формулы», то основаннымо на недоразумьніи оказывается не споръ соціаль-демократовь съ народовольцами, а разсужденія автора брошюры о споръ товарища Ленина съ товарищами такъ называемаго у насъ экономическаго направленія. Этоть авторь ровно ничего не поняль въ томъ, о чемъ они спорили.

Предметь ихъ спора не касался вопроса о томъ, можетъ или не можетъ интеллигенція совершить переворотъ собственными силами: объ стороны безусловно соглашались между собою въ томъ, что—не можетъ. Эбъ спорящія стороны одинаково хорошо понимали, что своими собственными силами интеллигенція никакой общественной задачи ръшить не въ состояніи, и что ея возможное историческое значеніе всецьло опредъляется тъмъ, въ какой мъръ она будетъ содъйствовать развитію классовато самосознанія рабочихъ. Разногласіе начиналось лишь тамъ, гдъ заходила ръчь о путатъ и способатъ такого собъйствова. «Экономисты» плохо выяснили себъ роль «революціонной бациллы» въ процессъ массо-

^{*)} Изъ деревни, стр. 423.

^{*)} Не могу не остановиться здёсь на слёдующемъ курьезё. Библіографъ № 3-го «Былого» дёлаетъ (стр. 206) нёсколько выписокъ изъ брошюры-циркуляра «Объ изданіи русской соціально-революціонной библіотеки», такъ какъ эти выписки показываютъ, по его мнёнію, «какъ широко и тогда смотрёли народовольцы (sic!) на пропаганду среди народа (крестьянъ и рабочихъ) и на роль народныхъ массъ въ предстоящей борьбё за соціализмъ». Но дёло въ томъ, что эта брошюра-циркуляръ написана мною, а не кёмъ-нибудь изъ народовольцевъ. Такимъ образомъ и комплименты библіографа на счетъ широты относятся ко мпё. Я очень благодаренъ г. библіографу.

ваго движенія пролетаріата *). Ихъ противникамъ эта роль представлялась съ гораздо большей ясностью. Полемика между этими двумя направленіями соціаль-демократической мысли была неизбъжна и плодотворна. Но даже въ самый сильный разгаръ этой полемики ни одна изъ сторонъ не помышляла о возврать на старую точку зрънія Партіи Нар. Воли, такъ ръшительно осужденную предыдущей исторіей нашего движенія. Товарищъ Ленинъ во всякомъ случав стоить дальше оть этой точки зрвнія, чвмъ кто бы то ни было. Ведь авторъ брошюры находить, что Ленинъ преувеличиваетъ значеніе сознанія въ революціонномъ процессь. Какой же смысть можеть имьть этоть упрекь въ примънении къ Ленину, какъ къ соціалъ-демократу? О чьемъ сознаніи, о сознаніи какого класса можеть говорить здёсь Ленинъ, въ качестве члена соціало-демократической партіи? О сознаніи пролетаріата и только объ этомъ сознаніи. Чъмъ большее значеніе придаеть этотъ товарищъ сознательности, тьмъ болье усиленнаго воздийствія на умы рабочихъ требуеть онь от нашей парти и тыть рызче расходится онь съ народовольцами, которые, -- какъ намъ уже извъстно, -- говорили устами г. Тихомирова, что рабочій, способный къ классовой диктатурь, у насъ почти не существуеть, и что, стало быть, политической власти ему не доставищь **). Авторъ брошюры и самъ чувствуетъ, что тов. Ленинъ ущель отъ народовольцевъ гораздо дальше, чъмъ даже «экономисты». Потому-то онъ и находить, что «общая точка зрвнія» экономистовъ болъе правильна, чъмъ точка зрънія тов. Ленина. А когда онъ прибавляеть далже, что экономисты дълають изъ своихъ болже правильныхъ «основныхъ посылокъ половинчатые, а потому и невърные практическіе выводы», то это лишь значить, что, по его мнінію, вглядь экономистовь все-таки можетъ при извъстныхъ условіяхъ быть соглашенъ съ «народовольствомъ», а вглядъ тов. Ленина—иикогда. Съ какой же стати онъ вздумалъ приводить брошюру этого послъдняго въ доказательство той странной мысли, что споры марксистовъ съ народовольцами основывались на «недоразумъніи?» Хорошо недоразумъніе!

Вообще въ высшей степени странно разсматривать споръ сторонниковъ «Зари» и «Искры» съ «экономистами» какъ признакъ, указывающій на приближеніе части русскихъ соціаль-демократовъ къ народовольческому взгляду на политическую борьбу. Мы уже знаемъ, что въ самой народовольческой средь существовало много очень различныхъ,и прямо таки несогласимыхъ между собою, —взглядовъ на отношение «политики» къ соціализму. Знаемъ также, что при всемъ разнообразіи этихъ взглядовъ имъ свойственна была одна общая отрицательная черта: ни одинг изг нихг не устраняль бакунинскаго противоположенія соціализма политикь, унаследованнаго отъ западно-европейскихъ утопистовь. Но именно въ виду этой общей имъ всемъ отрицательной черты и немыслимо надъяться на то, что соціаль-демократы могуть, оставаясь соціалъ-демократами, усвоить себѣ одну изъ разновидностей народовольческаго ръшенія политическаго вопроса. Совершенно наобороть! Чемъ лучше будетъ сознавать наша соціаль-демократія свою историческую роль и свою ближайшую практическую задачу, тъмъ дальше будеть уходить она отъ политическихъ вглядовъ какъ народовольцевъ, такъ и всёхъ вообще нашихъ революціонеровъ семидесятыхъ годовъ. И см'яшно было бы высказывать какія-нибудь сантиментальныя сожальнія на этоть счеть. Соціальная революція девятнадцатаго стольтія должна смотрьть не назадъ, а впередъ, сказалъ Марксъ въ своей книгв: «Восемнадиатое брю-

^{*)} Говоря это, я имбю въ виду собственно теоретиково «экономизма», которые договаривались до выводовъ, совершенно несогласимыхъ ни съ основными положеніями марксовой исторической теорій, ни съ общепризнанными задачами международной соціаль-демократіи. Но «экономисты», занимавшіеся практическимо дъломо, неръдко играли ту самую роль «революціонной бациллы», которая осуждалась теоретиками, и потому имбли благотворное вліяніе на ростъ нашего рабочаго движенія. Я думаю, что уже пора отдать имъ эту справедливость.

^{**)} Приведу здѣсъ выписку изъ брошюры одного пародовольца, очень не двумысленно отвѣчающую на вопросъ о роли массъ въ революціи. Споря съ Драгомановымъ, который высказаль ту мысль, что открытое нападеніе на правительство было бы желательнѣе «террористическихъ» дѣйствій, этотъ народо-

волецъ говоритъ: «Что Вы хотите сказать своимъ «открытымъ нападеніемъ»? Если здѣсь нужно видѣть массовую революцію, то считаете ли Вы возможнымъ и резоннымъ (sic!) поднять русскихъ простолюдиновъ на борьбу изъ-за политической свободы—при ихъ исторической оторванности отъ интеллигенціи, при ихъ жизни впроголодь и тяжелой борьбѣ изъ-за куска хлѣба? Очень они проникнутся необходимостью такой штуки, какъ политическая свобода!—Но тогда неужели трудно понять, что всѣ ваши «гражданскіе и военцые люди», всѣ «народы» сводятся въ сущности къ интеллигенціи? Она, эта интеллигенція, обязана—да «обязана»—вынести на своихъ плечахъ политическую свободу въ Россіп, пользуясь терроромъ, какъ средствомъ». (Тарновскій, «Терроризмъ и Румина»).

мера Луи Бонапарта». Неужели мы теперь, въ двадцатомъ въкъ, станемъ думать иначе?

Очень гръщатъ противъ исторической истины тъ лътописцы нашего движенія, —къ ихъ числу принадлежить и авторь разбираемой брошюры, которые, отмъчая полемику «Зари» и «Искры» съ «экономистами», восклицають: наконець-то русскіе соціаль-демократы заговорили о политической борьбъ. Въ дъйствительности, наша соціалъ-демократическая литература говорить объ этой борьбъ съ самаго своего возникновенія: въ доказательство опять сошлюсь на первую русскую соціаль-демократическую брошюру «Соціализмъ и политическая борьба». Правда, теперь вошло въ моду говорить, что брошюры, подобныя только что названной, писались эмигрантами, и что, поэтому, высказанные въ нихъ взгляды нельзя признавать взглядами дыйствовавшихъ въ Россіи соціаль-домократовъ. Поэтому я сошлюсь еще на изданіе, выходившее вь Россін. Во второмъ № «Рабочаго», — газеты партіи русскихъ соціалъдемократовъ», выходившей въ Петербургь въ 1885 г.—одинъ изъ сотрудниковъ говорилъ, обращаясь къ русскимъ рабочимъ: «вы должны бороться: во-первыхъ, ради своего освобожденія отъ гнета хозяевъ, отъ экономической эксплоатаціи, а, во-вторыхъ, ради пріобрътенія тъхъ правъ, которыя положать конецъ полицейскому произволу и сдѣлаютъ изъ васъ, —пока еще безправныхъ обывателей, —свободныхъ граждапъ свободной страны. Другими словами, вы должны бороться во имя политической свободы (курсивъ въ подлинникъ). И не думайте, что эти двъ задачи могутъ быть отдълены одна отъ другой; что онъ могутъ быть ръшены порознь и независимо другъ отъ друга. —Каждый изъ васъ одновременно является и эксплоатируемымъ рабочимъ, и безправнымъ обывателемъ. Поэтому, и всъ вы въ совокупности, весь русскій рабочій классъ, долженъ одновременно преслъдовать какъ политическую, такъ и экономическую цёль. Онъ долженъ одновременно стремиться низвергнуть какъ тъхъ, которые являются его господами на фабрикъ, такъ и тъхъ, которые полновластно распоряжаются теперь въ русскомъ государствъ».

Эта последняя фраза, будучи взята отдельно, можеть пожалуй навести на ту мысль, что цитируемый мною сотрудникь советоваль рабочимь стремиться къ тому, чтобы моменть паденія абсолютизма совпаль у насъ съ моментомъ соціалистической революціи. Но это было бы совершенно не основательное предположеніе. Далее въ стать прямо говорится, что политическая борьба поведеть къ завоеванію политической

свободы, которая въ свою очередь облегчить рабочему классу двло организаціи его силь для соціальной революціи. Словомъ, и съ этой стороны взглядь, высказываемый въ статьт, вполнт совпадаеть какъ со взглядомъ, изложеннымъ въ брошюръ: «Соціализмъ и политическая борьба», такъ и съ нынъшнимъ взглядомъ «Зари» и «Искры». Если читатель вспомнить, что эта статья была напечатана въ соціаль-демократическомъ органъ, выходившемъ не за границей, а именно въ Россіи, то онъ согласится, что мысль о политической борьбъ не такъ нова дъйствующимъ на родинъ русскимъ соціалъ-демократамъ, какъ это кажется нъкоторымъ пристрастнымъ лътописцамъ нашего движенія. Цитируемая мною статья-«Современныя задачи русских рабочих», письмо къ петербургскимъ рабочимъ кружкамъ, подписана, правда, Г. Плехановъ, т. е. принадлежитъ человъку, бывшему тогда уже эмигрантомъ. Но если этотъ эмигрантъ писалъ въ газету, выходившую въ Россіи, и если эта газета печатала его статьи, то значить, его дъйствовавшіе на родинъ товарищи были согласны съ его политическими взглядами и, были чужды «экономизма», а это и требовалось следовательно. доказать.

«Экономизмо» явился линь вноследствіи. Онъ быль вызвань стремленіемъ поскорье пріобръсти широкое вліяніе на массу. Это стремленіе не сопровождалось, къ сожальнію, върнымъ пониманіемъ роли революціоннаго меньшинства въ дъль выработки классоваго самосознанія пролетаріата. Но безусловная необходимость выработки этого самосознанія,—т. е. именно классоваго самосознанія рабочихъ,—вполнъ признавалась экономистами. И это ставить ихъ безконечно выше всьхъ тъхъ, будто бы соціалистическихъ, героевъ революціонной фразы, которымъ хотьлось бы теперь перевести наше движеніе на внъклассовию точки.

Чтобы говорить объ «эволюціи соціалистической мысли въ Россіи», надо знать факты, относящіеся къ ея исторіи лучше, чъмъ знаетъ ихъ нашъ авторъ, а кромъ того надо перестать смотръть на новъйшій соціалъ-демократическій періодъ этой эволюціи сквозь очки народовольства: народовольство отжило свое время.

Да, время народовольства прошло! Но еще Герценъ справедливо замътилъ, что «идеи, пережившія свое время, могутъ долго ходить съ клюкой» и даже могутъ «какъ Христосъ, еще разъ—два показаться сво-имъ адептамъ»; идея народовольства показывается теперь и ходитъ съ клюкой на столбцахъ «Революціонной Россіи». Она принимаетъ тамъ

нока видь народовольства тихомировского согласія *). Ето ножелаеть узнать, откуда черпаеть свою мудрость авторъ, единоличный или коллективный-печатающихся въ этомъ органъ статей о программныхъ вопросахъ, тому я рекомендую прочитать статью Тихомирова «Чего намъ ждать от революціи? **). Эта статья убъдить его въ томъ, что гг. «соціалисты-революціонеры», возставая противъ марксистской «догмы», умвють лишь рабски повторять «догму» народовольцевъ. Въ статьв г. Тихомирова читатель найдеть и разсужденія о нашемь «крестьянскорабочемъ классѣ» ***), которыя разогрѣваются теперь «Революціонной Россіей» подъ видомъ той мысли, что крестьянство принадлежитъ къ одному классу съ продетаріатомъ; онъ встрітить тамъ и чрезвычайно поучительныя размышленія о томъ, какія задачи предстоить взять на себя нашему будущему «правительству соціалистовъ-революціонеровъ» ****). Онъ увидитъ тамъ тъ же ссылки на сознаніе «народомъ» своего права на землю *****) и тъ же утопическія надежды на «ассоціаціи > *******). Наконецъ, его поразить тамъ то же самое отсутствіе всякой попытки серьезно анализировать экономическія отношенія Россіи, которое мы привыкли встръчать въ программныхъ статьяхъ органа «соц.революціонеровъ». И тогда онъ убъдится, что единственный выводь, дълаемый «соц.-революціонерами» изъ исторіи нашей соціалистической мысли, состоить въ томъ, ито эта мысль должна вернуться назадъ, къ тому, что уже было и быльемъ поросло, т. е., другими словами, что въ идейномъ отношеніи люди этого направленія являются настоящими реакиюнерами. вслъдствіе чего кличка соціалистовъ-реакціонеровъ подходитъ къ нимъ гораздо больше, чъмъ та, которую они себъ почему-то присвоили.

Въ одномъ изъ приложеній къ книгъ Туна печатается русскій оригиналъ моей статъи «О соціальной демократіи въ Россіи», написанной въ 1893 г. для польскаго изданія книги Туна. Въ этой статъъ я высказывалъ

*) Говорю пока, потому что не хочу поручиться за будущее.

твердую увъренность въ томъ, что возвратъ нашей революціонной мысли на ея старыя теоретическія позиціл сталь уже совствь невозможнымъ. Наши соціалисты-реакціонеры, повидимому, показывають своимъ примъромъ, что я ошибся: ихъ органъ именно старается воскресить наши старыя революціонныя теоріи, подпирая ихъ клюкой фальшивыхъ ссылокъ на разные западно-европейскіе авторитеты. Признаюсь откровенно, я не ожидаль, что часть нашей революціонной читающей публики согласится когда-нибудь довольствоваться этими разогрътыми духовными яствами. Но моя ошибка на самомъ дълъ не такъ велика, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Разогрътыя блюда «Рев. Россіи» охотно потребляются только тою частью нашей читающей публики, которая, по той или другой причинъ, не умъетъ или не хочетъ стать на классовую точку зрвнія. А это-часть отсталая. И именно это обстоятельство наглядно показываеть, что дыйствительно революціонные и дыйствительно соціалистическіе элементы нашего движенія навсегда персросли дътскій костюмчикъ нашего «соціализма» временъ Партіи Народной Воли.

Кстати о моей статъв, печатаемой въ приложении и написанной еще въ 1893 году. Тамъ мив пришлось высказать ивсколько такихъ мыслей,—напр., мысль о томъ, что пропаганда должна быть неразрывно связана съ агитаціей, о томъ, что мы, соціалъ-демократы, не имвемъ никакого права забывать о крестьянахъ, о необходимости строгой организаціи революціонныхъ силъ и т. п.,—которыя впослідствій подносились мив и моимъ, ближайшимъ товарищамъ,—и не только соціалистами-реакціонерами, но, къ сожалівнію, также и нікоторыми соціаль-демократами, какъ нічто для насъ совершенно новое и намъ неизвістное. Такъ пишутъ исторію.

Два слова объ остальныхъ приложеніяхъ къ нашему изданію. Разсказъ Я. Стефановича о Читиринскомъ дѣлѣ, перепечатываемый изъ «Чернаго Передъла», представляетъ собой важный документъ, относящійся къ попыткѣ, которая во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ очень много интереснаго и поучительнаго для революціонера. Лично я никогда не допускаль, что революціонеръ можетъ дѣйствовать отъ имени царя. Но справедливостъ заставляетъ меня сказатъ здѣсь, что въ «бунтарскомъ» обществѣ «Земля и Воля», къ которому я принадлежаль въ эпоху Чигиринской попытки Стефановича и Дейча, мое отрицательное отношеніе къ пріему, ими употребляемому, раздълялось далеко не всюми.

^{**)} Напоминаю, что она напечатана во второй книжкѣ «Вѣстника Народной воли», вышедшей въ Женевѣ въ 1884 году. Отвѣтомъ на эту статью явилась моя книга «Наши разногласія».

^{***) «}Въстн. Нар. Воли», кн. 2, стр. 247.

^{****)} Тамъ же, стр. 255.

^{*****)} Тамъ же, стр. 251.

^{******)} Тамъ же, стр. 258.

Я бумаю даже, что значительное большинство землевольцево относилось ко нему вколны одобрительно.

О статъв товарища Д. Кольцова «Восьмидесятьие годы» распространаться вечего. Она кажется намъ полезнымъ вкладомъ въ характеристику той эпохи восьмидесятыхъ годовъ, съ идейнымъ «наслъдствомъ» которой русская «интелегенція» еще не совсьмъ раздълалась даже и въ настоящее время.

Наконецъ, мы перевели и вкоторыя примъчанія П. Л. Лаврова къ польскому изданію книги Туна. Мы нашли нужнымъ сдълать это потому, что иныя изъ нихъ содержатъ въ себъ заслуживающія вниманія фактическія поправки, а остальныя, —именно тѣ, въ которыхъ говорится объ исторіи программы «Впередъ», —служатъ отвътомъ Туну, изложившему эту исторію не безъ значительной примъси ироніи. Насъ не удовлетворяєть этотъ отвътъ П. Л. Лаврова. Но мы все таки сочли себя обязанными довести его до свъдънія пашихъ читателей. Audiatur et altera pars!

Мое предисловіе уже приняло очень большіе разм'вры, а между тімь я не сказаль еще очень многаго изъ того, что слідовало бы сказать по поводу исторіи нашего движенія. Это показываеть между прочимь, что книга німецкаго профессора оставляеть неразрішенными не мало спорныхь вопросовь этого движенія. Русскій товарищь, о которомь Тунь говорить въ своемь предисловій, помогь ему, по его собственнымъ словамь, понять внутреннюю связь событій. Но этоть товарищь не могь написать за него же предпринятую имь исторію. Да и самъ онъ переживаль тогда переходный моменть своего революціоннаго развитія, мізшавшій ему сь полной ясностью опреділять значеніе революціонныхь событій вь нашемь отечествів.

Мартъ 1903 года.

Г. Плехановъ.